

Игорь Подгурский



# Они сражались за реальности



**Отряд коррекции! На выход!**

# Игорь Анатольевич Подгурский

## Они сражались за реальности

### Серия «Отряд коррекции реальности», книга 3

*Текст предоставлен издательством «Альфа-книга»*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=165741](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165741)*

*Подгурский И.А. Они сражались за реальности: Фантастический роман: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга»; СПб.; 2008  
ISBN 978-5-9922-0042-3*

### **Аннотация**

Что делать, если реальности в опасности? К счастью, для этого есть отряд коррекции Звездной Руси. Только командовать им – задача непростая, тем более когда твои подчиненные Илья Муромец, Иван Сусанин и Лёва Задов.

Возмутители спокойствия так и лезут изо всех щелей: злобные тролли, отборные эсэсовские подразделения, ведомые черными ламами, ископаемые ящеры-людоеды... Впрочем, еще не все потеряно. Ответный ход за неунывающими парнями из спецотряда.

Грядут великие перемены. Меняется время и пространство. Решаются судьбы реальностей. А кому сейчас легко? Победа будет за теми, у кого в душе есть вера...

# Содержание

СПИСОК	4
Глава 1	7
Глава 2	79
Конец ознакомительного фрагмента.	97

# Игорь Подгурский, Дмитрий Романтовский ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РЕАЛЬНОСТИ

*ПОСВЯЩАЕТСЯ СУВОРОВЦАМ И КАДЕТАМ  
ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ*

## СПИСОК

**личного состава отряда коррекции  
реальности Комитета Глобальной  
Безопасности Демократической Империи Руси**

*Владимиров Дмитрий Евгеньевич* – командир отряда, под-  
ПОЛКОВНИК

*Маннергейм Карл Густавович* – начальник штаба, барон

*Фурманов Дмитрий Андреевич* – комиссар отряда

*Кижсе Евлампий Кажиевич* – генерал-майор, заместитель  
по виртуальности

*Скуратов Малюта Лукьянович* – начальник отдела контрразведки, опричник

*Держинский Феликс Эдмундович* – внештатный консультант отдела контрразведки

*Батырбек Батыр Бекович* – командующий военно-морскими силами, старший батыр, бек

*Кузнецов Николай Иванович* – врио начальника отдела спецопераций, обер-лейтенант

*Задов Лев Николаевич* – сотрудник отдела спецопераций

*Сусанин Иван Иванович* – сотрудник отдела спецопераций

*Нестеров Петр Николаевич* – начальник отдела воздухоплавания, штабс-капитан

*Дуров Леонид Владимирович* – начальник отдела зооподдержки, директор зверинца

*Щирый Хохел Остапович* – начальник отдела тылового обеспечения, прапорщик

*Новгородский Садко Акимович* – сотрудник отдела тылового обеспечения

*Ермак Ерофей Павлович* – переговорщик отряда

*Шаманов Латын Игаркович* – отрядный священник, религиовед

*Муромский Илья Тимофеевич* – начальник отрядной заставы, старший богатырь

*Дранников Добрыня Никитич* – богатырь

*Попович Алексей Вакулович* – младший богатырь

*Филиппов Петр Трофимович* – стажер

*Вендт Отто Фридрихович* – командир подводной лодки «U-1277», вместе с экипажем временно прикомандированный в распоряжение командира отряда, капитан-лейтенант

# Глава 1

## ДВА КАПИТАНА

Подводная лодка бесшумно кралась в глубине. Она плавно парила на коротких крыльях носовых и кормовых рулей над океанской бездной. Вымытые течениями склоны подводных гор неровными каменными ступенями спускались ко дну. Внизу, на мягкой перине ила, лежали, вращаясь в дно, останки древних и не очень кораблей. Изъеденная морскими червями корма древнеримской галеры покоилась рядом с бушпритом испанской каравеллы времен Колумба и Магеллана. Палубный самолет-торпедоносец почти вертикально воткнулся в дно, растопырив в стороны изломанные крылья, словно пытаясь укрыть от времени полусгнившую ладью и останки минного тральщика. На плоскостях, покрытых черными наростами мидий, висели две невзорвавшиеся торпеды. За мутным стеклом блистера кабины весело скакали черепами скелеты, одетые в лохмотья летных комбинезонов. Казалось, летчики никак не могут сообразить, как они здесь оказались.

Подводное кладбище проплывало под килем субмарины, пересекавшей последнюю пристань мертвых кораблей.

Моряки столетия промеряли этот капризный участок океана, наносили на карты найденные скалы. Но морские ло-

ции пестрят названиями кораблей, давших свои имена банкам и рифам, которые они открыли своими бортами в тех местах, где промер не обнаруживал никакого повышения дна. Здесь под водой поднимались со дна огромные конические скалы, и по скатам их скользил грузик лота, которым промеряли глубину.

Подводная лодка маневрировала, управляемая «шестым» чувством штурмана, угадывающего проход между встающими по курсу скалами или появление подводной горы. Плавание в таких условиях напоминало слепой полет. Оно велось только по приборам да по особому чутью морского волка, колдующего над картами в командном отсеке субмарины. Точность требовалась предельная. Малейшая ошибка в расчетах могла привести подлодку на камни. В лучшем случае это могло сорвать операцию, в худшем – стальной корпус стал бы братской могилой не только для экипажа, но и для всех десантников, еле-еле разместившихся среди тесных переборок.

Напротив подводной горы Морской Конь, обводами напоминающей лошадь с пышной гривой, подлодка застопорила ход. Она, словно приняв хиваясь, повела носом, поворачиваясь в толще воды из стороны в сторону. Потом субмарина повернула на восток, двигаясь все более сложным и запутанным курсом, изобилующим еще более резкими поворотами и зигзагами. Ювелирное искусство штурмана вело подлодку в сторону острова Аркаим – месту постоянной дислокации

специального отряда коррекции реальностей...

В свое время субмарина была потоплена 20 февраля 1945 года в Северной Атлантике британским сторожевиком «Аметист» и пошла ко дну со всем экипажем, включая капитан-лейтенанта Отто Вендта. Под водой нельзя было увидеть размытые камуфлированные разводы краски на корпусе лодки и бортовой номер «U-1277». Но это была, несомненно, она.

Стальной монстр мчал на себе длинный ствол орудия, самонаводящиеся акустические торпеды – всю возможную военную мощь, расчетливо и органично вписанную в организм дизелей и приборов.

Идеальные обводы ее корпуса вспарывали толщу воды, подтверждая ту скорость, с которой мчалась в океане эта воплощенная в металле жестокая воля к победе. Краса и гордость сгинувшего в прошлом Тысячелетнего рейха, подлодка нацелилась на остров и больше не сворачивала с курса.

Погибший экипаж нес службу на постах согласно боевому расписанию. Субмарина, специально подготовленная для плавания в океане, должна была высадить штурмовую группу на побережье. Задача: уничтожить весь личный состав специального отряда Звездной Руси, его базу на острове по соседству с Лукоморьем и захватить штабные документы. Капитан подлодки никогда бы не согласился на эту авантюру, но выбор у него был небольшой: или обратно на дно, где их потопили, или принять на борт экзотический десант – и в

путь. Однажды волею судьбы «U-1277» уже была вынуждена временно исчезнуть из надводного, а заодно и подводного мира нулевой реальности Земли на некоторый неназываемый, но весьма длительный срок. Навсегда.

Капитан-лейтенант скрепя сердце подчинился. Возвращаться в темноту морской пучины не хотелось. Там тихо, очень тихо, но совсем нет солнца. Экипаж не понял бы своего командира. Да и Отто был в ответе за подчиненных. Считай, почти два столетия вместе. Безумное предприятие – почти через весь океан в тесном масляном чреве подлодки, где температура не опускалась ниже сорока градусов по Цельсию, в подводном положении выйти точно к крошечному острову в строго определенный день и час – это безумное предприятие подходило к концу.

Последние сутки похода в лодке не спала только дежурная вахта.

Чтобы отвлечься, Отто пошел по отсекам. Парадокс времени: на субмарине минуты тянутся как вечность, а сутки пролетают секундами.

Вендт шел медленно и осторожно, стараясь ни за что не зацепиться чистой форменной тужуркой. Он двигался между спящих тел, поправляя руки и ноги, свесившиеся с коек. Торпедный отсек – самое большое помещение лодки. Здесь спали на запасных стеллажных торпедах три богатыря. Бойцы десанта были напрочь лишены сантиментов. Их не тревожили несколько десятков метров водной толщи над головой.

Витязи спали беспробудным сном, не сняв кольчуг. Сапоги их попросили тоже не снимать – кислорода и так на всех не хватало. Шлемы, составленные остроносою пирамидкой, стояли в углу у переборки вместе с мечами и луками с колчанами, под завязку набитыми стрелами. Сладко спящая в обнимку с цилиндрическими телами торпед троица была основной ударной силой десанта. На них была главная ставка.

Капитан остановился у спящих богатырей и заботливо подсунул под голову Илье Муромцу свернутый красный пробковый спасательный жилет. Добрыня невнятно пробормотал что-то во сне, заворочался, пристраиваясь поудобнее на обтекаемой торпедке. Остальные спали молча и неподвижно. В начале похода то один, то другой со страшным грохотом и руганью соскальзывали на железный пол, но теперь приноровились. А экипаж перестал пугаться, каждый раз прощаясь с жизнью, принимая грохот за удар о риф.

Ерофей коротал время, затачивая лезвие алебарды карманном оселком. Изредка он делал перерыв на то, чтобы проверить остроту заточки, ковыряя пол под ногами. Железное днище пока не поддавалось. Ерофей надежды не терял и снова принимался наводить остроту на лезвие. «Плохая примета – пробовать обшивку на прочность. Так можно накликать беду», – философски подумал Отто.

Вендт от кого-то слышал, что приметы сбываются у тех, кто в них верит, и наоборот – все идет своим чередом, если не обращать внимания на плохие предзнаменования. Капи-

тан решил проигнорировать Ермака, продолжавшего методично ковырять обшивку острым кончиком алебарды с упорством, достойным лучшего применения. Он не мог отвести глаз от зрелища, кощунственного для любого моряка. Кулаки сжимались и разжимались в такт скрипу железа о железо. Борозда на броневом листе становилась все глубже.

В отсек заглянул Кузнецов. Внимательно посмотрев на слесарные художества товарища, он спросил:

– Тебе не страшно?

– Страшно? Ты чё, Колюня! Просто скучно тут, как в склепе.

– Какой склеп? Тут же везде люди, – натянуто удивился командир десантников. – Хочешь, сказку расскажу?

– Давай! Только, чур, страшную! Клин клином вышибают. В смысле хандру, – легко согласился Ерофей. – А склепы разные бывают, – еле слышно добавил покоритель Сибири. Он прекратил терзать пол и приготовился слушать.

– Давным-давно... – Кузнецов сделал серьезное лицо и перешел на замогильный голос: – В одном партизанском отряде служили парень и девушка с зелеными ногами. Как-то раз их отправили вдвоем на задание: проверить лесной «почтовый ящик». В нем связной из города оставлял весточки. Пошли они ночью. Идут, бредут и наконец вышли на опушку леса. Дальше им пришлось идти через старое деревенское кладбище. А парень все ждет, когда она платьем за оградку могильную зацепится, чтобы посмотреть, какого цвета у нее

ноги. Подол у юбки длинный, ничего не видно...

– Они же ночью шли, он бы все равно ничего не смог разглядеть! – не выдержал педантичный Отто. Немец любил порядок во всем. Даже в сказках.

– Пошли на задание в полнолуние, – терпеливо пояснил рассказчик. – При ясной луне можно спокойно читать карту, не напрягаясь. Идут они дальше. Вокруг кресты покосившиеся, могилки просевшие...

– Да знаю я, что дальше с ними приключилось. Жили они долго, счастливо и умерли в один день, – закончил страшилку за Николая Ерофей.

– А вот и нет! Жили они не долго, хотя умерли действительно вместе, – Николай обрадовался, что его сюжет не смогли полностью предугадать. – Парочка наскочила на мину. Страшно?!

– Не-а, грустно. – Ермак сплюнул на пол, но, спохватившись, растер плевков подошвой сапога.

– Так какого цвета у девушки были ноги? Зеленые или нет? – поинтересовался капитан подлодки. Все у русских запутано, ничего не понять. Не сказка, а кроссворд, завернутый в ребус.

– Корпус у мины был зеленый! – догадался Ерофей.

Оба десантника весело заржали. Страшные сказки всегда заканчиваются смехом или слезами.

– Именно! – с готовностью подтвердил разведчик, желая показать слушателям, что его сказка скорее смахивает на

притчу.— С тем отрядом вообще дело было нечисто.

— Ты, наверное, хорошо знал тех двоих? — заинтересовался Вендт. Он успел забыть про оскверненный пол субмарины: Кузнецов умел отвлекать людей от тяжелых мыслей, особенно когда это мешало выполнению задания.

— Так себе,— уклончиво ответил Николай.

— Я слышал, у вас целые отряды «зеленых» воевали? — спросил Отто.— Местное выражение, да? Фигура речи?

— Не более того. Так называют людей, воюющих в лесах сами за себя. Против всех.

— Мы таких называли хунхузами,— ударился в воспоминания Ерофей. От хандры, вызванной замкнутым пространством, не осталось и следа.

Вендт пожал плечами. Перестали портить днище — и ладно.

— Заболтался я с вами, господа. У вас, наверное, забот по горло. До свидания у трапа. До скорого! — Капитан притронулся рукой к фуражке и ушел своей бесшумной походкой в сторону центрального отсека.

Вендт дошел до отсека акустиков. Ганс, главный «слухач» экипажа, сидел в операторском кресле с наушниками на голове. Капитан положил руку на плечо матросу. Акустик поднял глаза и вяло доложил, не вставая:

— Господин капитан-лейтенант, горизонт в носовом секторе чист. Шума винтов по пеленгу не обнаружено.

Не вставать перед офицером — привилегия дежурной сме-

ны. Служба на первом месте, субординация на втором, а на субмарине, может, и на пятом.

Отто коротко кивнул, присел рядом на запасное кресло и надел пару свободных наушников. Командир любил заглядывать сюда – «послушать музыку моря для успокоения нервов, основательно расшатанных службой».

Ганс сдвинулся вбок, вжавшись плечом в переборку. Подводники слушали океан, как слушают симфонию, забыв на время о тесноте, жаре и недостатке кислорода. Система регенерации воздуха не была рассчитана на такое количество людей на борту. Она работала с полной нагрузкой, но все равно не справлялась. Одни богатыри потребляли кислорода больше, чем дюжина обычных людей.

Мощная песня океана ударила по перепонкам. Музыка глубин заполнила сознание, как струя воды заполняет пустой кувшин. На сердце сразу стало легче. В ушах звучали пере-свисты тропических рыб, ворчание и трели тунцов, щелчки крабов, чьи-то упыриныные стоны, чавканье, шипение, чириканье – сотни звуков сплетались в узор какофонии подводной жизни. Десятки музыкальных инструментов бесновались, повинуюсь невидимому дирижеру.

Отто слышал, как курс подлодки пересекла стая кальмаров, с шумом выбрасывая воду из мышечных воронок. Живые реактивные снаряды затихли слева по борту. Мерный шум винтов заглушило на минуту гуканье сардин. Огромный косяк шел одним курсом с субмариной, немного вы-

ше. Хорошая звукомаскировка, если подумать. В голос водной стихии вклинились шорохи водорослевых лугов, стеклянный звон волн, налетавших на коралловые рифы, и скрипы полусгнившего такелажа затонувших кораблей.

Отто снял наушники и потер затекшие уши. В узком коридоре сновали матросы: новая смена готовилась заступить на вахту.

– Господин капитан, через десять минут закат солнца, – прохрипел динамик внутренней связи голосом дежурного офицера.

– Хорошо, – отозвался Вендт в переговорное устройство. – Не возражаю.

Акустик сидел неподвижно, как статуя, с остекленевшим взглядом.

– Чего притих? – Капитан наклонился к матросу, принимаясь. На время похода он приказал демонтировать самогонный аппарат на камбузе. Канистры с девяностоградусным пойлом Отто лично запер в баталерке боцмана, а ключ оставил себе. Но он прекрасно знал по собственному опыту, что на борту судна концентрация умельцев на все руки зашкаливает за все мыслимые пределы. От матроса перегаром не пахло. – Живой?

– Пока не закопали, – грустно отозвался «слухач».

– Смотри у меня. Без выкрутасов!

Перед самым выходом в поход акустик, слушая крики дельфинов, набрался первачом по самые брови. Когда само-

гона в крови стало больше, чем кровяных телец, Ганс осознал себя посланцем матушки Земли и решил установить контакт с цивилизацией дельфинов. Покоритель гидрокосмоса переключил акустическую аппаратуру в режим передачи и поставил дельфинам патефонную пластинку с вагнеровским «Полетом валькирий». На этом жесте доброй воли он не остановился и по внутренней громкоговорящей связи объявил всему экипажу, что отныне «Полет валькирий» считается официальным гимном германского подводного флота дальнего радиуса действия. Пока капитан-лейтенант успел домчаться до отсека «слухача», Ганс хлопнул еще полкружки самогона и обрадовал команду новым сообщением: великий композитор камрад Вагнер навечно зачислен в список личного состава подлодки. По дороге Отто крепко приложился командирским лбом о стальную переборку и потерял фуражку, что не способствовало появлению ростков доброты и милосердия. От подчеркнутой невозмутимости командира не осталось и следа. Ее место занял всепожирающий гнев. С подчиненным Отто обошелся без церемоний: музыкальная пластинка разлетелась веером черных осколков от удара по голове Ганса. Капитан потом долго жалел о своей несдержанности. Вагнера он тоже любил, а что такое настоящий винил, в этой реальности слыхом не слыхивали. На оставшихся пластинках были записаны строевые барабанные марши, от которых воротило с души.

Оставшиеся дни до выхода в плавание Ганс драил палубу

с утра до вечера. К подлодке, пришвартованной у пирса, постоянно приплывали дельфины. Они высовывали головы из воды и весело чирикали, переговариваясь с акустиком. Матрос в ответ насвистывал мелодии Вагнера. Иногда дружелюбные млекопитающие приносили ему свежей рыбки. Контакт между разумными существами разных стихий был установлен. Но какой ценой! Валькирии, валькирии, сколько солдатских судеб на вашем счету...

Ганс с детства хотел стать ихтиологом и посвятить жизнь изучению живности, населяющей моря и океаны, в первую очередь дельфинов. В Небесной канцелярии приняли к рассмотрению мечту маленького мальчика, но слегка подправили на свой лад. Мальчик вырос и теперь навечно был связан с водной стихией. Одна неувязка: между исследователем гидрокосмоса и предметом его научных исследований, дельфинами, постоянно стояла непреодолимая преграда в несколько сантиметров превосходной крупновской стали.

Это еще что! Никто в экипаже не догадывался, о чем мечтает боцман. У старого моряка тоже была мечта. Он постоянно грезил наяву, представляя себя акулой. Огромной белой акулой, на всех плавниках мчащейся к жертве. И первым бы боцман сожрал командующего военно-морскими силами той реальности, куда их забросила судьба. Последний приказ адмирала, любившего корабли на картинках, а море издалека, гласил: «Все агрегаты и механизмы смазывать бараньим жиром. Все, без исключения!»

Неважно, где ты служишь: на флоте или в сухопутных войсках. Главное, чтобы у тебя была мечта! Какой бы она ни казалась уродливой, страшной или убогой – мечта должна быть у каждого. И каждый имеет право мечтать, ни в чем себе не отказывая.

Ганс, тяжело вздыхая, продолжал дальше драить палубу. От уборки палубы акустика оторвала команда старпома: «По местам стоять! Отдать швартовы! Корабль к походу!» Матрос выбросил за борт опостылевшую швабру, вскарабкался по скобам рубки и проворно нырнул в зев люка. Гребные винты начали свой бесконечный бег...

...Капитан направился в сторону командного отсека. Ганс с облегчением перевел дух. Он впервые так долго задерживал дыхание, чтобы от него не учуяли запах свежего перегара. После прослушивания шумов океана акустику приходили в голову странные мысли. Иногда померещится, что подлодка далеко заплыла от берега и так глубоко затерялась в океанской бездне, что уже никогда не найдет пути в родной порт, что все они так и будут вечно жить в своих отсеках, неся бессменную вахту, что вместо солнца до конца дней им будут светить тусклые лампы. Матрос смотрел в удаляющуюся широкую спину капитана, который один точно знает день возвращения и который обязательно найдет дорогу домой – по звездам или флотскому чутью, неважно. Но найдет! От этой новой мысли в душе акустика поднялась теплая волна благодарности, почти обожания...

Капитан-лейтенант вошел в командный отсек и автоматически посмотрел на счетчик лага и циферблат глубиномера. Он поймал себя на том, что, глядя на приборы, пытается понять, сколько же сейчас времени. Отто перевел взгляд на часы, висевшие на противоположной переборке. Стрелки показывали, что от конечной точки их маршрута лодку отделяло еще несколько часов хода. Время замедлило спринтерский бег и тянулось со скоростью курьерской черепахи. Капитан подумал, что последние часы перед боем самые томительные. Захотелось вопреки собственной воле и рассудку продуть балластные цистерны с водой и всплыть на поверхность. От раздумий его отвлекли возбужденные голоса.

На штурманском столе лежала, занимая всю поверхность, морская карта и целый ворох лоций. Над всем этим склонился командующий военно-морскими силами реальности Батыр Батырбек в цветастом стеганом халате. Невзирая на жару, у него на голове красовался ярко-красный малахай, отороченный ценным мехом неизвестного науке зверя. Он то и дело прикладывал обломок прозрачной пластиковой линейки к карте, поминутно листая метеорологическую сводку погоды для надводных судов, и одновременно продолжал чертить непонятные кривые линии синим карандашом. Бек смотрел на них, что-то прикидывал, сверяясь с лоцией, и продолжал дальше прокладывать курс подводной лодки.

Старпом деликатно откашлялся и протянул беку циркуль со словами:

– Мой адмирал, может, с ним вам будет удобнее?

Батыр резко отодвинул в сторону толстый том метеосводок и недовольно буркнул, недоуменно вертя в руках хромированную загогулилку:

– От него мне легче будет? Я уже все за вас сделал.– Он обвел задумчивым взглядом стоящих вокруг стола полукругом морских офицеров и обер-лейтенанта вермахта в зеленой полевой форме, одиноко подпирающего переборку в стороне от остальных.

Бек нашел более достойное применение циркулю: он начал острой иглой осторожно выковыривать грязь из-под ногтей. Старший помощник отвернулся от стола и начал подчеркнуто внимательно сверять показания приборов. На карту, прижатую по краям алюминиевыми кружками с прозрачной жидкостью, офицер старался не смотреть.

Капитан заглянул через плечо сухопутного адмирала и почувствовал, как у него зашевелились на голове волосы. Изломанный курс подлодки в нескольких местах пересекал сушу. Старпом встретился с ним глазами и виновато развел руками. Он попытался что-то сказать в свое оправдание, но Отто приложил палец к губам и сделал страшные глаза.

На их счастье, вошел кок и спросил разрешения подавать завтрак, хотя по времени это мог быть и очень поздний ужин. По лодке потянуло вкусным запахом кофе, смешанным с самогоном.

– Господин бек, вам накрыли в персональной каюте,– до-

ложил командующему вахтенный офицер.

– Вот и чудненько. Когда понадобится помощь, зовите! – Батырбек жестом заправского подводника отдраил люк и нырнул в отверстие прохода. В этот раз, закрывая крышку люка, он не прищемил себе пальцы, как обычно, а только зажал полу роскошного халата. Из-за стальной заслонки слышались степные проклятия и пожелания прокисания кумыса неведомым врагам. Бек прекрасно помнил те времена, когда лучшим другом человека считался конь, а женщина знала свое место.

Капитан оглядел офицеров, подолгу задерживая взгляд, как бы оценивая каждого заново. Когда голос командующего затих в глубине стального нутра, Отто негромко сказал:

– Задрайте двери, чтобы не ходили тут всякие...

Когда последний барашек водонепроницаемой двери был повернут до упора, он так же тихо приказал:

– Старший помощник, доложите обстановку!

Старпом всем телом нависал над столом и торопливо вычищал ластиком оскверненную карту. Он перечертил курс и, сделав пометку у маленького клочка суши, затерявшегося на сплошном синем фоне с цифрами промеров мелей, отпортовал:

– Идем, строго придерживаясь расчетного времени. К рассвету будем у цели.

– Николай, десант готов? – Вендт обращался к обер-лейтенанту запросто. У него было полное право на панибрат-

ство с разведчиком Кузнецовым после нескольких совместных операций.

– Все в полной боевой готовности, как обычно. За полчаса до операции разбудим богатырей – и в бой, – невозмутимо ответил Николай.

Они обменялись еще несколькими ничего не значащими фразами.

– Идем на глубине сто сорок метров, – настала очередь доклада дежурного офицера.

– Добро, – принял к сведению капитан-лейтенант. – Продуть среднюю. Поднимемся повыше, на шестьдесят метров.

Трюмный матрос открыл вентиль воздуха. Между бортов зажурчала вода, вытесняемая из цистерны. Стрелка глубиномера дрогнула и медленно поползла к указанному делению. Палуба покосилась под ногами. Матрос, не спускавший глаз с прибора, перекрыл подачу воздуха. Подлодка медленно выпрямилась на ровный киль.

– Глубина шестьдесят, – доложил вахтенный.

Боцман – проверенный рулевой – плавно сдвинул рычаги. Субмарина уверенно продолжила движение. Служба в центральном отсеке вернулась в привычную колею. Люди, винтики армейского механизма, снова действовали в режиме, доведенном до автоматизма. Железный подводный монстр жил, повинуюсь их командам...

«U-1277», подвсплыв на новую глубину, пересекла подводную впадину Неспасенных Душ. Округлое лобастое тело

с горбом рубки пронесло в своем чреве экипаж и десантников над пропастью бездонного провала, над вершинами подводных гор, в водном пространстве которых не вращались винты ни одной подлодки. Во мраке бездны горные пики, невидимые взорам живых, жадно тянулись к поверхности. С каждым новым оборотом лопастей винтов заветное побережье становилось все ближе.

...Покачивая бортами на небольшой волне, в море болталась пара рыбацких шхун. Рыбаки, караулившие сети, поставленные на пути сезонной миграции косяков макрели, увидели, как под днищами их скорлупок проплыло гигантское веретенообразное чудовище в зеленовато-призрачном сиянии. За подводным исполином тянулся светящийся фосфоресцирующий след. «U-1277» выходила на исходную позицию.

Внутриотсечные динамики прохрипели голосом капитана: «Десанту – пятнадцатиминутная готовность. Группе усиления из личного состава экипажа получить в арсенале оружие и боеприпасы. Всем офицерам прибыть в центральный отсек». Сухо щелкнул выключатель связи. Вендт отключил переговорник и продолжил отдавать команды:

– Боцман, всплыть на перископную глубину.

Прозвенел звонок к всплытию. Подлодка плавно пошла вверх, продувая цистерны – легкие железного организма. Стрелка глубиномера задергалась и двинулась к нулевой отметке на циферблате.

Подняли перископ. Капитан-лейтенант вжал лицо в обрешеченный окуляр. Отто не отрывался от перископа. В линзах оптики сначала ничего не было видно. Сплошная темнота. Затем появилась тоненькая белая полоска утренней зари. Солнце еще не встало, стыдливо прячась за горизонтом. Над водной гладью начинался рассвет. В перископ стал виден берег. Пейзаж производил впечатление черно-белой фотографии: темная вода, серое небо и на их фоне белые песчаные дюны берега. Капитан повернул голову:

– Штурман, отметьте: «Четыре часа двенадцать минут. Вышли в заданный район». Лодка к всплытию!

Над морем пронесся тяжелый вздох. Две волны разбежались в стороны от того места, где из глубины вынырнула обтекаемая рубка субмарины с обводами леерного ограждения по верхнему краю. Одинокий баклан, ранняя пташка, кружил в вышине, примериваясь к огромной рыбине.

Подлодка бесшумно развернулась и двинулась вперед, подкрадываясь к берегу. На субмаринах серии «U» дополнительно стояли так называемые «электромоторы подкрадывания». Они позволяли с минимальной затратой энергии и почти беззвучно маневрировать. «U-1277» всплыла точно в запланированной точке.

Капитан-лейтенант тихо ликовал. Командующий военно-морскими силами Батырбек, пожалуй, не так уж безнадёжен, как о нем думали все моряки. Бек, выросший в степи и видевший воду только в арыках, панически боялся морских

просторов, но не переставал удивлять и преподносить сюрпризы. Одна прокладка курса вслепую чего стоила!

По коридору загрохотали ботинки матросов палубной команды. Они таскали тяжелые штормботы, свернутые в коконы, и чехлы с разборными веслами с энергией людей, понявших смысл жизни. За ними по полу зазмеился резиновый шланг, подсоединенный к баллону со сжатым воздухом. Им надуют резиновые лодки – и вперед, на штурм побережья. Берег будет наш!

Лязгнул открываемый люк. Первые матросы выбрались по трубе рубочной шахты на мостик и спустились на деревянный обрешетник палубы. Предутреннее море лениво колыхалось низкими волнами. Штормботы раскатывали на палубе и по очереди подсоединяли к их клапанам шланг с воздухом. Одинокая волна ударилась в борт и обрушилась водопадом на согнутые спины, обтянутые черными морскими бушлатами. Порезвившись с людьми, она тут же отступила, попытавшись напоследок обхватить ноги стоявшего с краю матроса. Растеряв силу натиска, волна с тихим ворчанием скатилась обратно и растворилась в океане. На прощание она успела погладить каблук ботинок, примериваясь к следующему броску.

«U-1277» появилась там, где ее никто не мог ожидать. На часах было начало пятого. Промежуток времени с трех до пяти часов утра сухопутные военные называют «часом быка», а моряки – «собачья вахта». Организм человека так

устроен, что в это время суток самый крепкий сон, бдительность притупляется. Более подходящего момента, когда легче всего резать часовых и застать врага врасплох, не придумать. На это и рассчитывали, собираясь высаживаться в предрассветный час. Если все пойдет по намеченному плану, гарнизон отряда падет минут за двадцать, не успев организовать оборону. А дальше можно молниеносным броском рвануть в Лукоморье. «Пощупать» жителей, мирно спящих в кроватках и досматривающих последние сны. Образцово-показательный блицкриг! Примерно такие мысли сменяли друг друга в голове капитана субмарины.

Подлодка бесшумно – на электромоторах – вошла в широкий залив и уверенно направилась к побережью. Вендт хотел спустить десантные штормботы как можно ближе к берегу. «U-1277» проплывала и проползала через такие места, которых нет ни на карте, ни в лоции. Приходилось искать путь на ощупь. Отто дал лодке дифферент на нос. Немного водяного балласта – и ее нос опустился чуть ниже кормы, а винты приподнялись. Из торпедного отсека послышались грохот, словно упала груда оцинкованных ведер, и богатырская ругань.

Субмарина теперь шла, как овчарка по следу, опустив обтекаемый нос и приплюсываясь ко дну. Так командир избегал опасности зацепить днищем грунт и поломать винты.

Крадучись миновали несколько поворотов по запутанному фарватеру. Неожиданно заскрежетало по правому бор-

ту. Застопорили винты. В центральном отсеке внимательно прислушивались. Акустик коротко доложил:

– Напоролись на песчаную мель.

На самом малом ходу медленно поползли дальше. Опущенный нос действовал безотказно, как палочка слепца: когда натыкались на препятствия, то капитан-лейтенант либо обходил их, либо подвсплывал и переползал через отмель.

Все это время на палубе кипела работа, не затихая ни на минуту. Матросы обвязались веревками вокруг пояса и между собой, как альпинисты в связке, страхуя друг друга. Пока спасало то, что на море стоял штиль. Но, когда нос лодки зарывался вниз, свистопляска волн начиналась с новой силой.

Черные муравьи упрямо копошились на деревянном обрешетнике палубы, надувая лодки иногда по грудь в воде. Матросы в очередной раз показали свой многолетний боевой опыт, опыт людей, привыкших преодолевать любые преграды, встающие на пути. Этому их учили на флоте: не обращать внимания на личное – боль, страх, смерть...

Капитан-лейтенант затянул под подбородком жесткий ремешок армейской каски. Под стальной шлем он предусмотрительно подложил пилотку. Необмятые амортизационные ремни неприятно врезались в голову. Сквозь обшивку корпуса стало слышно невооруженным ухом, как клокотала за бортом вода, словно подлодка попала в кипящий котел. Изредка снаружи что-то царапало днище. Скрежещущие звуки разносились по затихшим отсекам. Экипаж понимал: одна

ошибка капитана – и подводный корабль станет огромным стальным гробом.

Отто по скобам взобрался на мостик рубки. Перед этим он дважды повторил приказ: «Ни в коем случае не будить командующего военно-морскими силами. Поставить у двери каюты Батыра кока наготове, с полной кружкой и легкой закуской. Очень легкой, чтобы сразу с ног валило!»

Капитан-лейтенант не стал брать автомат, ограничившись кобурой с пистолетом. Командир должен руководить боем, а не стрелять. Подлодка яростно пенила кильватерный след и резала волны. Пальцы Отто лежали на холодном мокром железе комингса – крае люка. Под ладонью он чувствовал равномерную дрожь, передаваемую двигателями всему корпусу подлодки. Дрожь от пальцев перекинулась телу, подбираясь к сердцу. Но это был не страх. Это было волнение и беспокойство: как лучше выполнить то, что доверено?

– Ну, как там у вас? – крикнул Отто матросам сверху, с сухого пяточка.

– Порядок... почти все готово... еще одну минутку, герр капитан, – отплевывался с палубы боцман.

– Шевелитесь быстрее, вареные медузы! Копошитесь, как полудохлые крабы!

Боцман никогда не признавал подобных выражений. Он был мрачным практиком и питал слабость к более соленым словечкам. Старый моряк проревел несколько крепких фраз, переведя пожелание капитана на более понятный морякам

язык. Чтобы понять силу настоящего моряцкого сленга и его шокирующую прелесть, нужно быть настоящим боцманом.

Матросы засновали по палубе с удвоенной скоростью. Отто всматривался в берег. Среди песчаных дюн показался островерхий конек крыши «Избушки рыбака» с двумя дверьми. Нехорошая улыбочка искривила губы капитана. Он знал, что за бревенчатыми стенами скрывается замаскированный под избушку дот. Единственная долговременная огневая точка с двумя пулеметными амбразурами, притаившимися за дверьми, – ключевое место обороны защитников побережья. Охрипшим голосом он передал по переговорной трубе в центральный пост новый пеленг. Подлодка рыскнула носом на новый курс. Теперь будущее место высадки десанта надежно закрывали высокие дюны, вздымавшиеся между лодкой и дотом. Последний рывок на финишной прямой. Впереди – славный приз. Готовься, сонный городишко!

Подлодка шла уверенно, с каждым мигом приближаясь к берегу. Штурман отметил жирным красным крестом место высадки. Сбавлен ход до малого. Стоп, машина! Лодка остановилась, проплыв по инерции с десятков метров.

На трапе показались ноги капитана. Он поправил сползшую на глаза каску, к которой еще не успел привыкнуть, и скомандовал:

– Готовность «ноль»! Десант на палубу! Приготовиться к высадке!

Вахтенный продублировал приказ по внутренней сети. Во

всех отсеках из динамиков проскрещетали слова команды. Притихшие отсеки ожили.

Из узкого коридора послышался громкий лязг металла. В проеме люка показался Кузнецов со шмайссером в руке и подсумком с магазинами к автомату на боку. Следом за ним в центральный отсек бочком пролезли богатыри, звеня доспехами и оружием. Ермак осторожно держал на отлете алебарду, стараясь никого не поранить лезвием, наточенным до остроты бритвы. Сзади толпились матросы с автоматами и в касках. Концы стволов заканчивались прикрученными к ним короткими толстыми цилиндрами, похожими на приборы бесшумно-беспламенной стрельбы. В тесных коридорах пару раз случился затор. Дизелисты, электрики и торпедисты, включенные в состав десанта и не успевшие привыкнуть к сухопутному оружию, умудрялись цепляться за все, что попало, в том числе и друг за друга. Окрики и команды быстро ликвидировали толчею в проходе. Экипаж «U-1277» был сплаванным, испытанным в штормах, но еще ни разу не принимал участия в сухопутной операции. Человеческий ручеек потек дальше, плавно перетекая на палубу. Вместе с моряками в десант вошли и офицеры-подводники.

Почти все члены экипажа входили в штурмовую группу. Богатыри могли справиться и собственными силами, но ставки были слишком высоки. Командир не мог рисковать. В состав десанта включили всех членов экипажа субмарины, свободных от вахты. Победу решили вырвать любой ценой.

– Был у нас в Сибири случай: маленький островок ночью за берег приняли. Высадились, пошли, а дальше – вода. Навтыкали тому, кто ладьей правил, – порадовал воспоминаниями Ермак.

– Да ладно! – ухмыльнулся Добрыня. – Все равно, лучше на берегу. Как ни крути, земляца. Глядишь, куда надо дойдем.

Муромец покосился на алебарду Ермака.

– Не лень было точить?

– Привычка, – коротко ответил Ерофей.

– Все готовы? – для проформы уточнил Кузнецов. Он командовал десантом.

– Всегда готовы! – ответил за всех Алеша Попович и шутливо отсалютовал рукой в булатной перчатке, попутно своротив мерно жужжавший гироскоп.

Капитан-лейтенант скривился, как от зубной боли. Он отметил про себя, что его корабль «ослеп», но вслух ничего не стал говорить. На место они приплыли. А потом... потом можно будет попытаться починить хрупкий навигационный прибор. Если выполнят боевое задание.

Плавать без гироскопа – все равно, что канатоходцу с завязанными глазами идти по канату без страховки. Неразумно, и нет даже призрачной надежды на благоприятный исход. Не мог молодой богатырь раньше раскурочить прибор?! Тогда подводники имели бы законное право не выходить в боевой поход. Все у них происходит не вовремя...

Матросы спускали штурмботы на воду. Лодка подработала винтами. Теперь стальная туша прикрывала резиновые лодки своим корпусом от волн, набегавших со стороны океана.

По веревочному трапу десантники спускались вниз, в маленькие суденышки, казавшиеся на фоне громадной «U-1277» еще меньше.

«Зря мы сюда заявились,— подумал Отто, вспомнив Ермака, ковырявшего алебардой пол отсека. Он подозрительно разглядывал безлюдный берег, раскинувшийся перед ним.— Чужие мы здесь».

Десантники погрузились в штурмботы. Пора! От субмарины отвалили резиновые скорлупки, вздрагивая на гребешках волн. Гребцы ударили веслами, и лодки устремились к ослепительно-белому песчаному пляжу. Весла синхронно пенили воду. Загребные выкрикивали счет, задавая ритм. Матросы с напряженными лицами мерно сгибались и разгибались.

Лодки удалялись от субмарины, приближаясь к берегу. В первых лучах рассветного солнца сверкали доспехи богатырей, черным глянец блестили автоматы, качались в такт каски с эмблемой немецких крингсмарин на правой стороне: морской конек с кинжалом, зажатым свернутым в кольцо кончиком хвоста.

Как бы ни были хороши три богатыря, совершенными боевыми машинами они станут только после того, как выбе-

ругся на сушу и ощутят под ногами твердую почву. До этого момента витязи всего лишь люди, заключенные в груды железа с отрицательной плавучестью. Их боевые возможности напрямую зависят от того, насколько быстро они покинут палубу подлодки и окажутся на земле.

Мореходность трех штормботов, в каждом из которых сидело по богатырю, оказалась значительно хуже тех, в которых сидели обыкновенные десантники без доспехов. Тяжело осевшие на воде лодки грозили зачерпнуть бортами воду.

К берегу двигалось шесть лодок с бойцами штурмового отряда. Первая волна десанта почти достигла берега. «Плавучие чемоданы» с дружинниками заметно отставали. Матросы, выбиваясь из сил, налегали на весла. Еще надо было вернуться за оставшимися на палубе. Богатырей можно было высадить и во второй группе, но «перестановка слагаемых» могла серьезно повлиять на сумму.

В сложившейся ситуации задача состояла в том, чтобы подойти к самому берегу, уловить момент, когда штормботы уткнутся в грунт, и этим облегчить всем высадку. В этом месте к побережью подходили впервые, глубина была неизвестна. Расчет был на удачу. Хотелось, чтобы десантники не оказались даже по пояс в воде и по возможности сухими выбрались на берег. Идеальным мог быть случай, когда они с носа лодок выберутся на берег. Подход к самой кромке прибоя грозил риском пропороть резиновое днище и борта о камни, поросшие ракушками, и острые веточки кораллов.

Раздалась команда офицера: «Десант на берег!» Кто-то прыгнул – глухо плюхнула вода. Лодки с каждой секундой пустели. Было слышно, как тихо ругается Ермак, пытаясь отделить от голенища сапога маленького осьминога. Головоногий молниеносно менял окраску тела, но отцеплять щупальца не спешил. Победил человек. Сброшенный в воду осьминожка быстро погрузился, оставив после себя расплывающееся чернильное пятно.

К огорчению капитана, идеальной высадки не получилась, но все равно к пляжу удалось подойти так, что десантники только набрали воды в сапоги и ботинки.

Солнце вставало из океана за подлодкой. Отто удовлетворенно отметил: светить оно будет в глаза обороняющимся. Если, конечно, кто-то сможет оказать им сопротивление. Звезда по имени Солнце сегодня была у них в союзниках.

По корпусу подлодки пробежала широкая тень. «Ну и птички здесь водятся!» – удивленно подумал Отто и, подняв вверх голову, остолбенел. Высоко в небе парил дельтаплан, раскрашенный в триколор: синий, белый, красный. По бокам сверкали двуглавые орлы, вышитые золотой нитью на дешевой парусине. Ткань была натянута на хлипкий самодельный каркас из бамбука. Под куцыми крылышками, в подвеске ремней и веревок смешно болтался человек в синем мундире с тоненькой ниточкой витога аксельбанта. На груди воздухоплователя, парившего в вышине, блеснул искоркой четырехлучевой Георгиевский крест. Штабс-капитан Нестеров

справедливо считал, что можно летать и на воротах от дома, если потоки воздуха обладают достаточной мощностью и к створкам приделаны рули.

Фигурка судорожно дергалась из стороны в сторону, пытаясь развернуть дельтаплан в обратную сторону. Первый заход на подлодку не получился.

Капитан-лейтенант злорадно оскалился. Но радовался он, как оказалось, рано. Бесшабашному летуну удалось справиться с хлипкой конструкцией из палочек и лоскутов. Трехцветный треугольник медленно, по крутой дуге развернулся, опираясь крыльями на поднимающийся от океана тугой, спрессованный воздух. Он нацелился на субмарину и начал рывками снижаться. Да, это вам не аэроплан или истребитель, где управление не зависит от прихотей воздушных потоков.

Это был второй вылет Нестерова на самоделке. До этого он примечал, где летал одинокий альбатрос. В первом взлете, там, где линия полета дельтаплана точно совпадала с линией полета птицы, он набирал высоту. Сейчас ас потерял воздушную дорогу буревестника, и машина сразу же стала плохо слушаться управления. Планер неудержимо затягивало в спираль штопора. Он судорожно дергался, скрипел, как будто хотел развалиться на части.

Вендт не отрываясь смотрел на неумолимо приближающееся воздушное чудо, одновременно вытаскивая из кобуры пистолет. Вот досада: он забыл прикрутить на ствол пара-

беллума специальную насадку. Стрелять по воздушной цели было нельзя. Капитан погрозил покорителю неба кулаком с зажатым в нем пистолетом.

– И вам доброго утра, Отто Фридрихович! – донеслось в ответ с небес. Нестерову сверху показалось, что маленькая фигурка моряка приветливо машет ему рукой. Интеллигентного офицера с любой высоты видно.

Штабс-капитан выровнял маленький дельтаплан, больше похожий на большого воздушного змея. Он заходил на второй боевой заход. Подводная лодка была как на ладони. Промануться нельзя было никак. Нырнет в глубину, затеряется в океане – попробуй ее потом найди. Второго шанса не представится. «Надо было начинать разворот раньше и взять больше угол упреждения,– огорченно подумал Нестеров.– Кто же знал, что ветер будет попутно-боковым?»

Летчик судорожно дергал на себя тугую ручку бомбосбрасывателя. Рычаг наконец поддался. Человек в очередной раз одержал верх над техникой. Планер дернулся, освободившись от лишнего веса, и рванул вверх, поближе к облакам. Авиабомба, закрепленная под телом летчика, вырвалась из объятий скоб держателей и ринулась вниз. Она падала точно в цель, на субмарину.

Ветер громко засвистел оперением стабилизатора, радуясь новой игрушке. Но тут подвела подъемная тяга. Дельтаплан клюнул носом и, сорвавшись в штопор, понесся вниз, догонять подружку. Летчик отчаянно пытался выровнять

полет хрупкого воздушного судна, но нисходящий воздушный поток пересилил потоги отважного летуна. Всему рано или поздно приходит конец. Пришел он и полету человека, возжелавшему летать, аки птица. Неуправляемая конструкция камнем рухнула в волны недалеко от субмарины.

До этого момента капитан лодки, замерев от ужаса и невозможности повлиять на ход событий, наблюдал, как от дельтаплана отделилась темная точка и стала стремительно приближаться, увеличиваясь в размерах. Она падала точно на голову офицеру. Смерть летела, развернувшись головкой с взрывателем вниз. Нарастающий свист перерастал в вой, памятный моряку со времен бомбардировок Гамбурга. Такое не скоро забудешь. Отто обреченно зажмурился. Приплыли!

Гулкий удар исполинского молота по корпусу сотряс субмарину от носа до кормы. Палуба завибрировала, отозвавшись глухим стоном на удар, нанесенный из поднебесья с нечеловеческой точностью. И тишина. Больше ничего не происходило. Только волны хлюпали, лениво толкаясь в борт, и слышалась громкая ругань за бортом. Выпутавшийся из ремней подвески летун оттолкнулся от дна и всплыл к поверхности, догоняя последние пузырьки воздуха.

Золотопогонник нецензурно комментировал особенности конструкции и систему управления дельтаплана. Словарный запас штабс-капитана был богат, как у биндюжника в третьем поколении.

Отто осторожно открыл глаза, хлопая ресницами. Потоп-

ление корабля отменялось. На палубе между стомиллиметровым орудием и рубкой лежал расколовшийся от удара самодельный корпус авиабомбы. Разлом шел по свежим сварным швам, блестящим синей окалиной. Смертоносная начинка – белый песок – высыпалась на палубу. Образовалась идеально правильная пирамидка. Набежавшая волна лизнула кучку десятикилограммового эквивалента тротила и разочарованно вернулась обратно в океан. Песка на дне и так хватало. На боку авиабомбы шла белая надпись старославянской руницей «За Лукоморье». Летучая смерть на поверку оказалась фальшивой болванкой. Она вызвала гомерический хохот у всех сгрудившихся возле рубки десантников, готовившихся к посадке на подходившие за ними пустые штормботы. Приближалась высадка второго отряда. Напряжение последней минуты требовало выхода. Смех – естественная реакция людей на пережитое. Долго сдерживаемое возбуждение прорвалось наружу, снимая непомерную нагрузку с нервов. После страшного душевного напряжения жизнь кажется вдвойне прекрасней.

Капитан перегнулся через ограждение и злорадно прокричал пускающему пузыри летчику:

– Ваши Кулибины не могли придумать «оружия возмездия» получше? Это все, на что вы способны?! – Вендт повернулся к матросам палубной команды. – Выловите из воды этого камикадзе, пока он не отправился на корм акулам.

Перед мысленным взором боцмана появилась картина.

Он стремительной тенью с косым плавником поднимается из глубины к человеческому силуэту, распятому на поверхности и подсвеченному солнечными лучами. Раскрывается пасть с зубами в несколько рядов. Ближе, еще ближе... Морзяк тряхнул головой, прогоняя наваждение, и бросился выполнять приказ капитана.

Через минуту штабс-капитан сидел на поручне ограждения, нахохлившись, как мокрая курица. Он весело скалился, ничуть не смущаясь компании, в которой оказался. Попадать в передраги и авиакатастрофы ему было не впервой.

– Мягкой посадки не желаю. Поздно! Загубил машину и радуешься, небесный тихоход?! – Ехидству капитан-лейтенанта не было предела. – Теперь комиссар с тебя три шкуры сдерет. Он хоть и атеист, но душу из тебя вынет. Фурманов на тебя давно зуб точит. А тут такой повод: единственная боевая единица военно-воздушных сил Аркаима – и почему-то под водой! – Отто еще раз глянул за борт. – На глубине... метров эдак пятнадцати—двадцати. Странно, правда?

– Не-а! Руки коротки! – Нестеров аккуратно снял с золотого погона морскую звезду и бросил обратно в океан. – Я сам построил «Стремительный зигзаг». На свои кровные в свободное от службы время. Дельтаплан так называется, – пояснил летчик и, смутившись, поправился: – Точнее, назывался.

Воздушная этажерка сейчас покоилась на дне. По ней ползали крабы, обживая новый дом. По песку медленно двигались перламутровые моллюски, оставляя за собой изви-

листый след. Величаво и не спеша проплыл широкий, как шкаф, скат хвосток, отбрасывая тень на светлое песчаное дно. Не везло Нестерову на воздушные аппараты. Ну, не везло – и все тут.

– «Стремительный зиг... заг». Хорошее название. В нем что-то есть, – мечтательно произнес морской офицер, словно пробуя слово на вкус. – А вы не безнадежны, – продолжил капитан после недолгого раздумья. – Вы придумали на редкость значимое название. Зиг... заг. Можете не гордиться, у контуженых такое бывает сплошь и рядом. Кофе хотите? Настоящего адмиральского, очень крепкого! – Капитан подлодки подмигнул штабс-капитану.

– А т-т-то! – утвердительно пролязгал зубами замерзший Нестеров. – На камбузе, у кока?

– Как обычно, – подтвердил Вендт.

Летчик тихо засмеялся. Он слез с бортового ограждения и зашлепал к открытому люку рубки, хлюпая водой в сапогах.

Матросы очистили палубу от обломков авиабомбы, столкнув их за борт. Вторая, она же последняя, часть десанта грузилась в штормботы. Лодки одна за другой отваливали от борта в сторону берега. Скоро на палубе остались только капитан и дежурная вахта у зачехленного орудия. Комендоров артиллерийского расчета тоже зачислили в штурмовую группу.

Один за другим десантники высаживались из штормботов

на берег. Нервы у всех были напряжены до предела, особенно когда лодки второй волны десанта подошли к песчаному пляжу. Капитан подлодки разглядывал сушу в бинокль. Он был почти уверен, что противник, несмотря на все принятые меры обеспечения скрытности, заметит приближение десанта с океана. Интуиция подсказывала: там, в прибрежных дюнах, уже давно наблюдают за ними, но пока не спешат себя обнаружить. Каждая секунда казалась вечностью.

Штурмботы высадили последних матросов с субмарины. Все десантники оказались на берегу и двумя нестройными колоннами зашагали в глубь острова. Кузнецов шел во главе второй. Он вел свой отряд несколько позади, параллельно первой колонне штурмовиков.

Отто, внимательно наблюдавший за ними в цейссовскую оптику, облегченно вздохнул и опустил бинокль. Впереди шли три витязя. Им предстояло первыми вступить в бой, стяжать славу богатырскую.

Под ногой Алеши Поповича громко щелкнуло. Он не успел посмотреть, на что умудрился наступить. На пляже раздался глухой взрыв. Когда песчаное облако, поднятое взорвавшейся миной, развеялось, стало видно, что доспехи дружинников и идущих за ними моряков испятнаны кровавыми кляксами. Мина зацепила всех, находившихся рядом с Алешей.

Один за другим люди валялись кеглями на белый песок. Идущие следом испуганно шарахнулись в разные сторо-

ны. Взрывы гремели один за другим. Десант угодили на минное поле. Авангард – первая колонна десантников – был почти полностью уничтожен в считанные секунды. На ногах остался стоять один Муромец. Он удивленно провел рукой по кольчуге, поднес к лицу булатную рукавицу, окрасившуюся в красный цвет:

– Шалишь! Нас так просто не взять!

Шаг... еще шаг... с легким шелестом он вытащил из ножен меч-кладенец. Вытертая рукоять привычно легла в ладонь. Муромец оглянулся. Ермак и побратимы лежали вперемежку с моряками в черных бушлатах, припорошенные белым песком.

Муромец упрямо шагнул вперед. Взрыв мины опрокинул бронированного исполина на берег. Богатырь завалился на спину, широко раскинув руки в стороны. Солнце светило в лицо, выжимая слезы. Илья глубоко вздохнул и закрыл глаза.

Одновременно с первыми взрывами мин прибрежные дюны ожили. Противник открыл шквальный пулеметный и автоматный огонь. Неприятная неожиданность: враг ждал десантников, держа палец на спусковом крючке. Первый штурмовой отряд был полностью уничтожен, второй рассыпался цепью у полосы прибоя и лихорадочно окапывался, зарываясь в песок. Кругом все кипело от огня. Среди дюн замелькали фигурки в защитной форме. Обороняющиеся, вдохновленные первым успехом, решили контратаковать и сбросить остатки десанта в море. Атакующие и обороняющиеся поме-

нялись ролями. Кузнецов лающим голосом отдавал команды, руководя обороной. Матросы стреляли плохо. Но стена автоматного огня остановила наступавших. Фигурки атакующих, нелепо взмахивая руками и роняя оружие, валились на песок. Между двух дюн, напоминавших очертание седла, запульсировал огонек пулемета.

...Оцепенение навалилось на капитана субмарины. Ему показалось, будто все его чувства внезапно отключились. Пропали звуки. Пропал шум боя. Отто не чувствовал бинокля в руках. Осталась только картинка в окулярах, прижатых к глазам. Вендт отчетливо видел, как невидимый пулеметчик косит остатки его экипажа. Он перечеркивал короткими очередями одного матроса за другим. На черной форме распускались красные цветы попаданий.

Вендт опустил бинокль и прокричал команду в переговорную трубу: «Малый вперед!» Операция с треском провалилась. Шансы на успех таяли, как лед под солнцем. Оставалась слабая надежда: подойти поближе к берегу и спасти остатки десанта. Моряки, теснимые со стороны берега, несли огромные потери. Еще один матрос ткнулся черной каской в песок.

Заработали двигатели, вода вспенилась за кормой. Полускрытое водой тело подлодки, как проснувшийся аллигатор, лениво поплыло к берегу. До суши оставалось метров сто пятьдесят, когда капитан ощутил сильный толчок – субмарина налетела на установленный на малой глубине исполинский стальной еж.

– Карамба! Ну, это уже ни в какие ворота не лезет! – бесновался Отто, разглядывая стальную конструкцию, тянущую со дна иглы сваренных двутавровых балок.– Они что, с ума посходили на этом острове?!

Вода с шумом поступала в пробоину. Внутри лодки погас свет, посыпалось стекло разбившихся лампочек. Казалось, неодолимая сила раздирает подлодку на части. Горизонтальные рули заклинило. Лодка уткнулась носом в грунт.

Переговорная трубка прокаркала голосом вахтенного: «В отсеке камбуза пробоина!» Потом из раструба переговорника хлынула морская вода. Вокруг лодки на поверхности моря расплывалось огромное радужное пятно. Потекла поврежденная цистерна с соляркой. У капитана мелькнула мысль: «Ну, все, конец! Приплыли!»

...Кок лечил штабс-капитана Нестерова от насморка. Потом к ним присоединился командующий военно-морскими силами, бек, заглянувший на огонек камбуза и запах свежего первача. Дальнейшее лечение продолжилось под его чутким руководством. Следующим в чередѣ профилактики простудных заболеваний стал страшный удар лодки о подводное инженерное заграждение. Вода журчащим фонтаном забила из пробитого корпуса.

Не отдавая себе отчета во всем происшедшем, не успев даже толком закусить, герои сразу же начали спасать субмарину. Действительно, замешкайся они, начни выяснять подробности, вода, жадно рвущаяся в отсеки и на камбуз, зато-

пила бы подлодку. Они задраили переборочную дверь и начали заделывать пробоину.

Трое отважных изолировали себя ото всех и вся: от остальной лодки, от внешнего мира, от оставшихся на борту членов экипажа. Подводник-повар, сын степей и воздушный ас остались в крошечной тьме, один на один с пробоиной, в холодной соленой воде.

Началась отчаянная борьба с океаном, решившим вернуть в свою коллекцию беглое судно. Храбрецы начали на ощупь заделывать пробоину. Сначала попытались заткнуть пробоину пухлым телом Батырбека. Но бек хотел жить не меньше других и моментально угрем выскользнул из мокрых рук. В ход пошли сковородки, бачки и кастрюли. Все без следа исчезало в пучине. Затем настала очередь штатных средств борьбы за живучесть. К пробоине подвели просмоленный брезентовый пластырь и перекрыли доступ воды в отсек. Немедленно запустили помпы на осушение камбуза.

Вслед за ними заработал и турбонасос. Великолепная тройка не просчиталась ни в чем. Они вовремя задраили дверь, вовремя заделали пробоину. Вот только бек оказался сильнее, чем они думали. А может, он любил жизнь больше всех, одновременно слишком презирая смерть, чтобы отдать себя в ее лапы на голодный желудок? Наверное, это и спасло субмарину, а вместе с ней маленький подводный самогонный заводик. Вода перестала поступать внутрь лодки, насаженной на стальные балки, как огромная рыбина на гарпун.

Беды преследовали экипаж лодки одна за другой, как волны. А так хорошо все начиналось!

На поверхности океана было пустынно и грязно. О недавней пробойне напоминало растекшееся радужное пятно соллярки. Посреди него плавали куски пробковой крошки от спасательных жилетов, обрывки газет, красный малахай адмирала и картофельные очистки. Багром на длинной палке вахтенный матрос подцепил отороченную мехом шапку степняка и втащил на борт. Матрос осторожно выжал головной убор и аккуратно положил его на затвор орудия высушить. Лучи дымчато-красного шара солнца, выкатившегося из-за горизонта, начинали ощутимо припекать.

Из открытого люка высунулась голова. Густав, повелитель сковородок и змеевиков, он же кок субмарины, надевая на ходу белоснежный поварской колпак, слез с рубки на палубу, балансируя с большим никелированным термосом и алюминиевой кружкой в руках. Протанцевав по наклонившейся палубе, он стал перед капитаном, промокший до нитки. Только крахмаленный головной убор кок умудрился сохранить сухим.

– Господин капитан-лейтенант! Стаканчик не желаете выпить? С утра не ели, не пили.

– Кофе? – задумчиво взглянул на него Вендт. – Горячий?

– Холодный, герр командир, и не кофе. Есть напитки лучше! Этот термос хорошо температуру держит.

– Сам-то небось уже пробовал?

Густав промолчал, ловко отвинтил крышку, широко расставив ноги на палубе, зарывшейся носом в океан.

– Ладно, налей кружечку,– решительно сказал Отто.– А потом всех на борту угости. Когда еще свободная минутка выпадет...

– Что вы тут делаете, а? Пьете? Без меня? – прогремел вопль из люка.

Кружка выпала из рук капитана. Кок подхватил ее на лету, расплескивая самогон из термоса. Отто вздрогнул, кровь отлила от сердца и прилила к пяткам. Из люка показалась голова адмирала в фашистской каске, натянутой задом наперед. Он с трудом пролез в отверстие. Мешали два спасательных жилета, надетые поверх бухарского халата. Следом за ним полезли матросы. Последними на палубу выбрались штабс-капитан Нестеров и акустик Ганс, так и не снявший наушников. Все были мокрые с ног до головы. Скоро на палубе собралась небольшая угрюмая толпа. Собравшиеся выжидательно смотрели на термос в руках кока.

Вендт ковырял носком ботинка настил палубы, искоса разглядывая профиль командующего военно-морскими силами. Странное выражение было на этом обветренном степью лице с зеленоватым оттенком. Не выражение разочарования в провале операции, нет! А такое выражение, будто бек удержался на краю пропасти, избежал страшной опасности, еще не вполне веря в свое спасение. Батыр не сводил глаз с кружки в руках капитан-лейтенанта. Кадык дернулся

на шею. Он судорожно сглотнул слюну и сказал:

– Вы чудовище!

– Нет, я командир «U-1277», – попытался внести ясность капитан-лейтенант. Он всегда плохо понимал намеки.

– Тебе надо вырвать сердце и скормить акулам! – настаивал адмирал, снимая каску. Первые признаки похмелья неудержимо разгорались в организме. Терпение у Батыра лопнуло. – Наливай!

Кок наклонил термос над кружкой. Прозрачная жидкость, булькая, полилась из горловины. Аромат свежего первача перебил все запахи вокруг, даже безбрежный океан спасовал. Отто повеселел. Разнос за бездарный провал задания откладывался. Набежавшие тучи трибунала над офицером развеялись.

– стакан по кругу! – простуженно шмыгнул носом Нестеров.

Матросы на палубе одобрительно загудели. Всем понравилось предложение неунывающего летчика.

Батыр крякнул, оторвавшись от кружки, и вытер засаленным рукавом роскошного халата рот:

– Кока поощрить своей властью! Молодец! – Бек вцепился обеими руками в леера и обвел мутным взглядом океан. – Опять вокруг одни волны. Кто бы знал, как мне все это надоело! – Он прислушался к внутренним ощущениям. Похмельный синдром исчез без следа, растворившись в хорошей дозе алкоголя. Остались только легкая грусть и небольшая тря-

сучка рук. Если специально не приглядываться, то и не заметишь.

Батыр навсегда запомнит картину последних событий: узкий, как гроб, отсек камбуза, темная холодная вода, серый брезент пластыря, вздувшийся нарывом на пробоеине в борту. «Буду помирать, строго накажу всем в аule: близко к открытой воде не подходить. Никогда! Арыки обходить стороной».— Так думал бек, стараясь не смотреть на волны.

— Жизнь налаживается. Надо только не делать дело и не думать о последствиях.— Батырбек поднял непросохший малахай и тут же нахлобучил его на голову. Провонявший соляжкой головной убор сполз бесформенным комом на глаза. Ничего не стало видно: ни берега, ни проклятого океана. На душе сразу полегчало.

Еще несколько раз десантники пытались прорваться в дюны. Но каждый раз их останавливал, пригвождая к песку, скупой, но точный огонь пулемета. Между дюн виднелся зеленый щиток «максима». «Близок локоток, да не укусишь,— думал Кузнецов.— Далеко засел. Гранату не добросить, нет».

Моряки пытались окопаться. Неглубокие окопы сразу наполнялись мутной водой. Из командиров остались двое: обер-лейтенант и боцман. Именно они объединили вокруг себя разрозненные группы уцелевших моряков.

Пулеметчик теперь стрелял непрерывно. Песочные фонтанчики пуль надвигались кипящей завесой. Шум приборя

потонул в сплошном грохоте. Лежащий рядом с Кузнецовым моряк отстреливался короткими очередями. Он экономил патроны, в десант им выделили мало боеприпасов. Специальные патроны всегда были в дефиците.

Штурмовой группе под командованием боцмана удалось нащупать слабое место в обороне защитников побережья на левом фланге. Короткими перебежками моряки стали обходить позицию пулеметчика. Залегшие на берегу, у кромки прибоя, автоматным огнем прикрывали отчаянный бросок моряков, рванувших на прорыв обороны. Нескольким матросам, ведомым битым морским волком, удалось добраться до дальней дюны. Теперь они были под прикрытием пологого песчаного бархана, в мертвой зоне пулемета. Неизвестно, что именно послужило причиной решения прорываться в глубь вражеской территории: стремление выполнить поставленную задачу либо просто желание вырваться из-под шквального огня.

Факт остается фактом: нескольким десантникам удалось добраться до песчаной горы. Их путь до укрытия можно было проследить по черным бушлатам менее удачливых моряков. Пятна попаданий красными язвами выделялись на черной форме...

Защитников дота внутри «Избушки рыбака» было мало. Строго говоря, он был один. Внутри бетонной коробки фор-

та сидел на ящике с патронами красноармеец Филиппов – стажер отряда, кандидат в сотрудники отдела спецопераций. За ночь Петруха не сомкнул глаз ни на секунду. В предрастветной мгле он видел в квадратик амбразуры, как в залив бесшумно скользнул хищный силуэт вражеской субмарины, но ничего сделать не мог. Немецкий капитан рассчитал все точно. Стволы двух станковых пулеметов бесполезно торчали из бойниц. Враг находился в мертвой зоне дота, надежно укрытый высокими прибрежными дюнами.

Наступил рассвет. Громыкнул взрыв, за ним другой, третий... Петруха замер у амбразуры, напряженно вслушиваясь. Глухие хлопки разрывов потревожили безмолвие раннего утра. «На минное поле наскочили, – обрадовался Петруха. В отряде орудий отродясь не было, кроме карманной артиллерии – гранат. – Не зря мы весь берег накануне перекопали. А потом еще граблями разравнивали, чтобы незаметно было».

Застучали автоматы. Противник надолго замолчал: минное поле серьезно проредило боевые порядки. Но десантники не оставляли надежды пробиться из огненного мешка засады в глубь острова.

Стажер мерил шагами помещение маленькой крепости. От турели центрального пулемета до бронедвери ровно семь шагов. У него был строгий приказ командира: сидеть в доте и не покидать его ни под каким предлогом.

За дюнами грохотал бой. Товарищи там, а он отсиживает-

ся за метровыми бетонными стенами. Внутреннее противоречие раздирало Филиппова: с одной стороны – приказ, а с другой – душевные терзания. Дисциплина в очередной раз не устояла перед натиском совести.

Петруха прикрутил на винтовку черный цилиндрический набалдашник. На инструктаже всех предупредили: если кто-то будет стрелять без насадки, то до трибунала не доживет. Это стажер усвоил крепко. Приказ, подкрепленный обещанием немедленной кары, быстро добирается до подкорки мозга, минуя сознание.

Он с трудом открыл, а потом закрыл бронированную дверь дота, навалившись на нее всем телом. Сухо щелкнул ключ в замке. Петруха быстро написал записку: «Ушел за патронами. Скоро буду» и повесил замусоленный клочок бумаги на гвоздик, торчащий из двери избушки. Деревянную дверь он закрывать не стал, а ключ от бронедвери дота спрятал под первую ступеньку крыльца. Стажер рассудил здраво: свои знают, где тайник, а чужому никогда в голову не придет искать ключ от секретного объекта.

Посчитав, что теперь его совесть чиста, Петруха с трехлинейкой наперевес помчался туда, где стрелял «максим» и коротко огрызались автоматы.

Филиппов с трудом поднимался на высокую дюну. Худые ноги в ботинках и обмотках почти до колен вязли в сыпучем песке. Вот и верхушка гребня. Ах, как вовремя! Правильно говорил товарищ Задов: «Плюнь, Петро, на эти приказы. От-

цы-командиры все равно ничего путного не придумают».

Внизу короткой цепью шла группа автоматчиков в черной форме. Враги были как на ладони. Цель – лучше не придумать. «Сейчас я вас расщелкаю, как в тире», – подумал Петруха, вскидывая приклад тяжелой винтовки к плечу.

Мало того, что грань между жизнью и смертью тонка, так она еще зачастую проходит совсем близко. Елки-палки!.. Песок предательски оплыл под ногой. Ботинок зацепился за ботинок, и стажер кубарем полетел вниз, чудом не пропоров себе бок длинным четырехгранным штыком. Он скатился прямо под ноги коренастому моряку, похожему на огромного краба, напялившего на панцирь черный бушлат с золотыми боцманскими нашивками на рукаве и повесившего на грудь серебряную дудку.

На Петруху сверху вниз угрюмо смотрел моряк. У него было скуластое квадратное лицо с острым подбородком. Козырек каски с нарисованным морским коньком нависал над глубоко сидящими глазами. Вот только глаза у него были не крабы, а акулы, такие же холодные и ничего не выражающие. Стажер попытался подняться с песка, опираясь на винтовку.

Подводник резко выбросил вперед руку и ухватил винтовку за цевье. Петька дернул трехлинейку к себе обеими руками. Безрезультатно. Винтовка не поддавалась ни на сантиметр. Хватка у немца с акулыными глазами была железная. Остальные подводники обидно заржали. Их откровенно забавляла

необычная ситуация, в которую угодил стажер.

Немец легко вырвал винтовку у Филиппова и одним движением вытащил из нее затвор. Он взял оружие за ствол и легко перебросил через соседнюю дюну. Затвор полетел в противоположную сторону. Из-за дюны, куда улетела винтовка, раздался вскрик.

Немцы перестали смеяться и схватились за автоматы с такими же цилиндрическими насадками, как у красноармейца.

Боцман вытянул в сторону стажера указательный палец и издевательски согнул его несколько раз, словно нажал на спусковой крючок. Чтобы развеять сомнения, сказал вслух: «Пух-пух!» Напоследок он хлопнул Петьку по плечу. После этого группа подводников с автоматами на изготовку стала подниматься на дюну, вслед за улетевшей винтовкой.

Петька сел на песок. От обиды на самого себя и на весь белый свет на глаза навернулись злые слезы. Стажер глядел морякам в спины, обтянутые черными бушлатами. Но, когда он увидел, куда идут десантники, настроение у него сразу улучшилось. Филиппов бормотнул себе под нос:

– Сейчас, гады, будет вам «пух-пух» вместе с «бабахом»! Как я всех подвел! Нет мне прощения. Никогда не стать мне настоящим разведчиком, как Кузнецов. Жаль, что он не с нами.

С гребня дюны боцман увидел позицию пулеметчика, доставившего им столько неприятностей. Он лежал рядом с «максимом», уткнувшись лицом в песок, так и не выпустив

гашетку пулемета из рук. Винтовка, переброшенная через дюну, попала ему точно по голове. Осталось надеяться, что каска на голове смягчила удар трехлинейки.

Боцман увиденной картине не успел ни обрадоваться, ни удивиться, потому что сзади него закричали:

– Мины!

Он успел обернуться, чтобы увидеть столб песка, поднятый взрывом. Упругая волна воздуха толкнула его вперед, и он покатился вниз, загребая руками песок.

...Матросы под командованием боцмана скрылись из глаз за дюной. Прорвались? Заходят в тыл обороняющимся или ударят им с фланга? Николай не отрываясь смотрел на гребень песчаного горба: не прозевать атаку моряков, поддержать их огнем из всех стволов. Рядом несколько подводников усердно работали саперными лопатками. Пусть окопы будут с водой, но хоть какое-то укрытие от огня. Кузнецов осторожно, стараясь не делать резких движений, чтобы не привлечь внимание пулеметчика, раскрыл планшетку. Под зеленоватым пластиком просвечивала карта.

– Как же мы так попались? – спросил сам себя вслух Кузнецов. Топографические знаки показывали: рельеф местности идеален для обороны и губителен для наступающих.

– Что, господин обер-лейтенант? – Лежащий рядом моряк перестал вычерпывать каской воду из окопчика. Океан упрямо заливал неглубокие канавки, соединяя их ходами, в

которых хотели спрятаться люди.

– Копайте глубже, так будет лучше для всех.– Николай продолжал изучать карту.

– Ясен пень! – грустно отозвался подводник.– А на кой? – добавил он совсем тихо.

– Пень-яшень! Это уже почти гениальная инженерия.– Как всегда, в минуты затишья Кузнецову в голову приходили мысли совсем о другом.

Николай вспомнил о друге Косте, с которым подружился, когда они вместе участвовали в операции по перехвату германской дипломатической почты. Потом встретились в 41-м на курсах повышения квалификации в разведывательно-диверсионной школе. Попросились, чтобы вместе. Но начальству виднее. Опять разошлись пути-дорожки...

Звук взрыва прервал воспоминания. За дюной, куда провалилась группа боцмана, взлетел вверх фонтан песка. Мина!

Короткие очереди из автоматов по лежащим. Еще! Последняя надежда на прорыв растаяла вместе с облаком взрыва. Со стороны океана еле слышно рокотнул двигатель. Его заглушил скрипучий визг раздираемого металла. Кузнецов оглянулся. Ах, как неудачно все складывается! Стальная туша субмарины медленно заваливалась набок. Надо было спасти остатки десанта.

– За мной! Все на лодку! – громко скомандовал обер-лейтенант и, взяв автомат, бросился в воду.

Последние слова офицера потонули в грохоте выстрелов.

До команды «Рубай их, братцы!» дело так и не дошло. Минные поля и автоматический огонь сжевали и перемололи почти весь личный состав морского десанта. Арьергард, жалкие остатки штурмовых групп, не принял бой. Он возвращался, откуда пришел,— обратно в океан.

Команду передали по редкой цепи. Пригнувшись, моряки последовали за офицером. Ноги скользили по мокрым камням, покрытым водорослями. Веточки кораллов цеплялись за сапоги. Все было против них, даже природа. Рядом и сзади раздавалась ругань не отстававших от офицера подводников. Винтовочные выстрелы, автоматные очереди с берега подстегивали: «Скорей, скорей!»

«Пулемет не стреляет»,— автоматически отметил Кузнецов. В первый миг вода даже не показалась прохладной, но по затылку пробежали мурашки, когда он зашел по грудь. Разведчик поднял шмайссер над головой, боясь провалиться в какую-нибудь подводную яму. Едва удерживаясь на ногах под напором течения, увязая ногами в илистом дне, старался добраться до штормботов. Лодки отнесло ветром от берега. Они лениво дрейфовали в глубь залива. Громада субмарины в пятнах маскировочной окраски все больше кренилась набок.

Кузнецов размахнулся и выбросил автомат на берег. Следом полетела фуражка с вышитым орлом на высокой тулье. Вплавь до подлодки не добраться: перестреляют, как котят. Николай несколько раз глубоко вздохнул, насыщая кровь

кислородом. Последний вдох – и разведчик нырнул в набежавшую волну. Он плыл под водой брассом, самым выгодным для дальнего нырка стилем. Плыл размеренно, экономя силы. Раз, два-а, гребок – пауза. Раз, два-а, гребок – пауза. Форма, облепившая тело, сковывала движения. Набухшие сапоги тянули вниз, на дно. Перед глазами поплыли круги, течение сносило в океан.

Николай плыл вдоль берега. На поверхность он выныривал, только чтобы сделать глоток воздуха, и тут же снова уходил под воду. Он с усилием двигал руками и ногами, чувствуя, что выдыхается. Кузнецов вряд ли смог бы ответить на вопрос: сколько он плавает? Упорно, на одной лишь силе воли офицер выгребал в заданном себе темпе.

Вынырнув в очередной раз, он отметил, что почти доплыл до гряды скал, спускавшихся с берега в воду. Место высадки осталось далеко позади.

Николай рывком выбросил плечи из воды, стараясь нащупать ногами дно. Есть! Под прикрытием камней он выбирался на берег. Набежавшая волна протащила его грудью по песку вперемишку с ракушечником.

Обер-лейтенант шел вдоль берега, все больше удаляясь от места высадки. Под ногами хрустела галька, отмечая каждый шаг. Иногда она сменялась песком, плотно накатанным волнами. Тогда идти становилось легче, ноги отталкивались от него, но затем снова вязли в сыпучей гальке. Несколько раз попались огромные камни, больше похожие на скалы. Их

пришлось обойти, чтобы снова не лезть в воду. Потом берег стал обрывистым. Кузнецов остановился. Считай, километра четыре с гаком отмахал. По его прикидкам, переход вдоль берега пора заканчивать. Разведчик, пробравшийся в глубь суши по большой дуге, возвращался, заходя в тыл тем, кто устроил им такую горячую встречу.

Николай издали заметил командно-наблюдательный пункт, закрытый по старинке маскировочными сетями. Блиндаж был вырыт на скорую руку в склоне холма. Раструбы стереоскопических труб торчали из пропилов в крыше. Широкие окна-амбразуры смотрели в сторону океана. На ячейки сетей были нашиты лоскутки ткани. Они так выгорели на солнце, что делали КНП неразличимым на местности. Обнаружить его мог только наметанный взгляд опытного военного. Возбужденный гул голосов в блиндаже свидетельствовал о том, что защитники побережья собирались праздновать победу. Одиноким часовым в профессорской блузе ловил в выгоревшей траве кузнечиков. Винтовка с примкнутым штыком одиноко стояла, прислоненная у входного проема, затянутого противомоскитной сеткой.

Кузнечики прыгали далеко, пролетая несколько метров на куцых крылышках. Гоняясь за ними, часовым все дальше удалялся от поста и оружия. Кузнецов достал из нагрудного кармана расческу и аккуратно расчесал волосы на прямой пробор. Сдув волоски, застрявшие между зубьев, он не скрываясь зашагал к командно-наблюдательному пункту.

Дрессировщик Дуров стоял на четвереньках и подслеповато щурился сквозь стекла пенсне, стараясь отыскать кузнечика, за которым так долго и безуспешно охотился. Энтомология стала его страстью, которой он отдался со всем пылом старости. Шутка сказать, его новое увлечение стояло на втором месте после любимых зверюшек.

Дурова отрядили охранять вход, потому что всё, кроме дрессировки хвостатых, зубастых, парнокопытных и чешуйчатых, у него получалось из рук вон плохо. Он осторожно отвел в сторону траву, в которой скрылся попрыгунчик. Кузнечик необычной клетчатой окраски мог стать настоящим украшением его коллекции.

Раздвинув траву, Леонид Владимирович вместо членистоногого создания уткнулся носом в два черных сапога. Он медленно поднял голову. Над ним склонился офицер в мокрой зеленой полевой форме. С рукава кителя срывались капельки воды.

– Вы случайно не его ловите? – Николай протянул начинающему коллекционеру руку. Между двух пальцев он аккуратно держал за крылышки стрекошущее насекомое.

– Э-э-э... спасибо, голубчик. Даже не знаю, как вас благодарить, – расплылся в счастливой улыбке Дуров, осторожно пряча добычу в спичечный коробок. – Так мило с вашей стороны. Что значит молодые глаза!

– Не стоит! – улыбнулся Николай и зашагал к штабному

блиндажу. Кузнецов собрался откозырять на прощание, но, вспомнив, что он без фуражки, просто вежливо откланялся. Дальше к командно-наблюдательному пункту он шел беспрепятственно...

Внутри блиндажа в полном составе находилось все командование спецотряда Звездной Руси. Командир и его заместители сгрудились вокруг стола, на котором была расстелена крупномасштабная карта, испещренная синими и красными отметками рубежей и позиций. На ней даже стоял крошечный макет подводной лодки с бортовым номером «U-1277». Защитники Лукоморья заранее подготовились к обороне. Судя по нанесенной на карту тактической обстановке, они зря времени не теряли. Все было готово для контратаки и победы над десантниками, попавшими в огневой мешок.

– Скоро отлив. Подлодка застряла намертво. Полноценный ремонт возможен только в сухом доке. Десант разгромлен и отступает. Оставшихся в живых возьмем «тепленькими», – начальник контрразведки Скуратов достал из кармана красного кафтана карманные песочные часы. – Через сорок минут после отлива доберемся до морячков, аки посуху. Возьмем в штыки. Никуда от нас не денутся!

– Уничтожим морскую гидру в своем логове! – внештатный консультант отдела контрразведки Держинский почти приплясывал от возбуждения. – В плен никого не брать.

Командир отряда неодобрительно покосился на Феликса: – Мы с минами не переборщили? Богатырям ничего не

будет, они в доспехах, но у остальных только форма.

– Заметьте, казенная! – встрял в разговор Хохел.

Заместитель по тыловому обеспечению очень переживал, что во время боя будет безнадежно испорчена форменная одежда. Без разницы, своя или чужая. За любым имуществом нужны пригляд и учет. Прапорщик всегда радел за казенное добро, как за личное, считая все вокруг своей собственностью.

– В минах заложен минимальный пороховой заряд, – доложил начальник штаба барон Маннергейм. Маршал поправил широкую белую повязку на рукаве с черной буквой «П». – Тютелька в тютельку. Отмеряли на аптекарских весах. Хватает ровно настолько, чтобы поражающе-убойные элементы разлетались на два десятка метров. Больше нельзя по конвенции. – Старый финн откашлялся. – Может, вы им предложите сдать? Если они капитулируют, будем считать все законченным.

– Да чего их жалеть! Они и так утопленники. Никаких парламентаров, – взвился Железный Феликс. – Хватит о людях думать. Главное – победа. Любой ценой!

Со стороны берега донесся грохот длинной пулеметной очереди. «Максим» захлебнулся и умолк. Командира отряда потихоньку стала раздражать перепалка в блиндаже. Она мешала ему любоваться картой, с таким старанием расчерченной им накануне сражения. Оперативная обстановка была нанесена с любовью, без единой помарочки. Разноцвет-

ные линии сплетались и расходились, образуя замысловатые узоры, смысл которых понятен только взгляду посвященных.

Владимиров зло поинтересовался у контрразведчиков:

– А почему, собственно, вы не в боевых порядках?

– Мы готовились к приему пленных, – ответил, подболевшись, Держинский. – К допросам надо готовиться тщательно.

Связной Садко, недавно вернувшийся с передовой, негромко заметил:

– Пленных нет и не предвидится. Дерутся, как черти! Упорные, гады, хоть и моряки!

– Плохо! Очень плохо работаете! – разволновался Феликс.

– Мы не работаем, а служим родине, – огрызнулся новгородец. – Работают половые в трактире.

– По нашим данным, Нестеров попал в плен к немцам, – вкрадчиво уточнил Скуратов.

– Господин штабс-капитан считается условно пропавшим без вести, – бесцветным голосом заметил барон.

Маннергейм предпочитал не принимать участия в перепалках. Он считал это ниже своего достоинства, но тут счел нужным внести ясность. Героический полет летчика он наблюдал до самой последней секунды.

– Господа кормят рыбу в Черном море, – оживился комиссар отряда, вспомнив Крымский поход.

– Хватит! – окоротил всех Владимиров. – Мне здесь еще

здесь классовой борьбы не хватает, да...

Чего еще не хватает командиру отряда, он не успел сообщить присутствующим. Наверное, как и всем людям, ему хотелось покоя, тихого счастья и возможности поспать лишний часок в выходной день.

У входа в блиндаж раздалось деликатное покашливание.

Позабыв о распрях, все повернулись к вошедшему без доклада часового.

Перед ними стоял обер-лейтенант в раскисших сапогах. Предплечья кителя успели просохнуть. На зеленой ткани проступили белые соляные разводы от морской воды. Несмотря на неприглядный вид, молодой офицер был аккуратно причесан. Обе руки он непочтительно держал в карманах галифе и, похоже, доставать не собирался, демонстративно игнорируя все правила армейской субординации.

– Что вас сюда привело? – без удивления поинтересовался маршал Маннергейм.

Остальные в гробовом молчании разглядывали Кузнецова.

– Наверное, как и всех, – дело государственной важности.

Николай неуловимо переместился, сразу оказавшись у стола. Он взглядом профессионально пробежался по карте и, хмыкнув, громко произнес:

– Я так и знал, нас ждали! Интересный замысел... Грязная игра!

Командир торопливо попытался перевернуть карту лице-

вой стороной вниз, но только рассыпал стаканчик с разноцветными карандашами по столу.

– Сам пришел! Один есть! – радостно потер ладони Дзержинский. Контрразведчику не терпелось заняться любимым делом – приступить к допросам. (Осторожный и дальновидный Скуратов радости коллеги пока не разделял.) – Вот и славненько. Руки вверх! Настала пора!

– Пора! – легко согласился разведчик.

Кузнецов достал одну руку из кармана. В кулаке он сжимал зеленый шар гранаты с заранее выдернутой чекой. Взрыва не было, пока он прижимал пальцами скобу взрывателя к корпусу. Офицер положил руку на карту, но ладонь разжимать не спешил. Пока.

– Не надо, Коля! – громко попросил командир и уже совсем тихо спросил зампотыла: – Хохел, ты много пороха снарядил в гранаты?

– Не помню, – шепотом отозвался труженик тыла из-под стола. Он никогда не терял зря времени.

– Господин обер-лейтенант, это не наш метод, – подал голос комиссар.

Владимиров сделал незаметный шаг вдоль столешницы. Во всяком случае, ему так хотелось думать. Он мысленно прикидывал: успеет закрыть гранату телом или нет.

Кузнецов предусмотрительно встал так, чтобы между ним и остальными был широкий стол. Барона, стоявшего у него за спиной, он в расчет не брал. На разбор операции это никак

повлиять не могло. Но Карл Густавович оценил тактичный жест разведчика.

Остальные в блиндаже молчали, стараясь не делать резких движений. Один Малюта со вздохом потер плечо. Неожиданно заныл наконечник монгольской стрелы, застрявший в ключице. Вечная память о стародавней командировке в ставку Батыя.

Николай заметил движение подполковника в пятнистом десантном комбинезоне. С глумливой улыбочкой он достал из кармана вторую руку. Сейчас офицер упирался о стол обеими широко расставленными руками. В каждой по гранате. Детина в камуфлированной форме больше не двигался.

Фурманов собрался картинно закатить глаза, схватиться за сердце и поднять крик о бескультурье молодых офицеров, не умеющих проигрывать. Но, заметив, что на него не обращают внимания, начал потихоньку бочком подкрадываться к окну блиндажа, не закрытому пологом маскировочной сети. Шаг. Еще шагок. Прыжок рыбкай. Щелчок отлетевших скоб, удерживающих жало взрывателей, совпал с появлением центральной части туловища комиссара отряда в окошке. Верхняя часть тела была на улице, нижняя – в штабном блиндаже. Фурманову не хватило долей секунды, чтобы спасти недавно сшитые драгоценные галифе из английского шевиота. К островному государству комиссар относился с подозрением, но ткань с ровным рубчиком уважал. Мануфактуру Антанта ткала знатную. Фурманов взвыл раненым зуб-

ром, чувствуя, что застрял и не успевает. Остальные офицеры на командно-наблюдательном пункте собрались встретить героическую выходку Кузнецова лицом к лицу.

– Зараза-а-а! – обреченно выдохнул Садко и прикрыл обшлагом зипуна лицо.

– Зараза у нас в тылу служит, – раздался тихий голос из самого темного угла.

Кто это сказал, разобрать толком не успели. Голос, похоже, принадлежал заместителю по виртуальности. Кузнецов разжал руки и катанул от себя по столу гранаты...

...Дуров закончил гоняться за кузнечиками. Ему не то чтобы наскучило общение с фауной, просто спичечный коробок был забит под завязку стрекочущими и скребущими созданиями. Взять с собой запасной коробок или жестяную баночку из-под чая он не догадался. Дуров поднес к уху коробок с шуршащими насекомыми, и мир неожиданно взорвался вокруг него красками. «Тепловой удар. Голову напекло. Где моя панамка?» – подумал старый дрессировщик. Все вокруг закружилось искристыми сполохами. Впереди, сквозь вдруг ставший прозрачным степной курган, он разглядел огромный силуэт динозавра и гигантские пирамиды. Эти два видения должны были разделять целые геологические эпохи. На небе хороводом заплясали несколько солнц и одинокий месяц. Под ногами распахнулась и захлопнулась бездна. Дуров в недоумении оглянулся. Ему показалось, что

все вокруг потеряло реальность, задрожало и стало прозрачным. Мир распадался на куски. «Нет, скорее всего это галлюцинация», – облегченно вздохнул Леонид Владимирович и осторожно посмотрел вверх. Одинокое солнце равнодушно светило на грешную землю. Небесная свистопляска прекратилась. Ветер лениво играл головками полевых цветов. Все вокруг пришло в норму. Начальник зооподдержки побрел на пост у командного пункта, где оставил свою панаму, мешавшую ловить кузнечиков.

В штабном блиндаже два раза глухо ухнуло. Старый дресировщик прислушался. Кто-то со слезой в голосе костерил нерадивых часовых, вермахт, а заодно и всю Вселенную.

Дуров робко заглянул в блиндаж. Стены, потолок, люди – все внутри было заляпано свежей краской. Кисло пахло пороховой гарью. По углам валялись клочья бычьих пузырей, из оболочки которых были сделаны корпуса имитаторов гранат. Неокрашенным оказался один офицер – старый барон. Кузнецов встал так, чтобы прикрыть телом посредника.

Маршал спрятал довольную улыбку в пышных усах и казенным скрипучим голосом официально объявил:

– Командно-штабные учения по отработке действий в наступлении и обороне считаю оконченными. Хочу отметить: обе противоборствующие стороны проявили себя во всей красе. Подробный и тщательный разбор итогов подведем позже. Всем твердая двойка! Ничья! Поздравляю, господа и, разумеется, товарищи! – Беспристрастный посредник снял с

руки белую повязку с буквой «П» и осторожно, чтобы не испачкать пальцы, положил на край стола. Барон лихо козырнул и, круто развернувшись на каблуках, вышел из блиндажа.

Снаружи донесся удаляющийся голос маршала: «Э-эх, молодежь пошла! Одно слово – молодо-зелено. Я в их годы...»

Командир поднес перепачканную руку к носу и принюхался:

– Что это за краска?

– Масляная, – прошелестело из-под стола. Осторожный зампотыл не спешил вылезать из мебелированного укрытия.

– Я же приказал снаряжать боеприпасы пищевыми красителями. Разноцветными, чтоб повеселее было! – начал заводиться Владимиров. – Масляную никогда до конца не отмыть. Сколько формы перепортили! Ее теперь не отчистить! Не отстирать!

– Вся пищевая краска ушла на яйца и куличики, – оправдывался прапорщик.

– Какие яйца? Какие куличики? – вопрошал гневно Владимиров. Он схватился за голову, оставляя на волосах красные потеки. Командир сразу стал похож на вождя племени ирокезов, вышедшего на тропу войны.

– Пасхальные, – напомнил Хохел. – Людям и так не сладко жить. Как их оставить на праздник без подарков? Я вам заявку подавал, а вы с ней даже не соизволили ознакомиться. Всех дел-то было – подписать. Хорошие куличики по-

лучились. Несколько я припрятал... сохранил на черный день. Их можно подарить на Рождество или, скажем, на Хануку, а можно поощрить отличившихся на учениях. Еще их можно использовать в целях самообороны. Зачерствели малость...

– Я тебе покажу заявку. Я тебе устрою персональную Хануку! Завтра проведем внеплановую ревизию на складе. Мышей вывести не можешь! – взвился Владимиров. Ничья его не устраивала. Командир срывал злость на подчиненных. Такая близкая победа и лавры главного стратега побережья уплыли из рук в последний момент. Внимание, а заодно и гнев переключились на контрразведчиков. – А товарищам особистам отдельная задача – отремонтировать служебные помещения и починить трубы. К вам в подвалы приличных людей стыдно привести. Везде сырость, вода капает. Плесень на стенах развели!

– Мышь – мелкий скот, а я специалист по крупному рогатому, – проинформировал командира Хохел. До поступления в школу прапорщиков он успел послужить в родной деревне пастушком.

...Боцман после подрыва на mine все время неподвижно лежал на песке, дисциплинированно изображая убитого. На ласковом солнышке его разморило, и он незаметно для себя крепко уснул. Он был такой не один. Рядом громко храпели и посапывали в несколько глоток. Многодневный морской поход выдался не из легких. Лежать на песке было тепло и

приятно. Монотонный шум прибора тихо шелестел мелкой галькой колыбельную. Волна за волной, танцуя, набегали на берег.

Его сон потревожил кто-то из живых. Ловкие пальцы осторожно шарили по груди. Подводник до икоты боялся щекотки, но пока терпел. Крепился изо всех сил. Стараясь не шелохнуться, он потихоньку попробовал приоткрыть глаза. С большим трудом ему удалось чуть-чуть приоткрыть веки. Краска на солнце засохла, покрыв лицо жесткой коростой. В приоткрывшуюся щелочку боцману удалось разглядеть склонившуюся над ним медсестру в белом сарафане и жемчужном кокошнике, украшенном красным крестом из кумачовых ленточек. Небритый подбородок медички показался боцману смутно знакомым. Точнее разобрать было трудно. Разглядеть мужеподобную незнакомку мешала проклятая краска. Медсестра времени не теряла. Воровато озираясь по сторонам, она расстегивала у него на груди бушлат. Пальцы зашарили по груди, и этого моряк стерпеть не смог. Он сцапал мародерку за подол. Медсестра задергалась, словно пташка, попавшая в силки. Хватка у подводника была железная. Раздался треск ткани и лопнувших застежек. В руках у моряка остался сарафан. Алчная женщина выскользнула из одежды, как змея из старой кожи. Она легко пожертвовала сарафаном в обмен на свободу.

Подводник вскочил на ноги, по привычке пригнувшись, чтобы не удариться о верхнюю койку. Шипя от боли, он сди-

рал с лица лоскуты краски. С корнем выдирая ресницы, он пальцами поднял себе веки. Вместо полуголой женщины он увидел мужика в полосатой тельняшке и бриджах, закатанных до колен. Тот кубарем летел вниз с песчаной дюны. Глядя ему вслед, боцман на всякий случай похлопал себя по груди. В душе шевельнулось предчувствие беды. Чего-то не хватало, до боли привычного и дорогого. Еще не веря в беду, моряк посмотрел на бушлат. Пропал предмет его тайной гордости и страсти – серебряная боцманская дудка на цепочке. Боцман был неразлучен с дудкой со дня спуска подлодки на воду; он даже в душ с ней ходил, не расставаясь ни на минуту.

– А-а-а! – Подводника проняло до самых темных глубин души. Он за ремень выдернул из песка полузасыпанный автомат.– Задов! Гадина-а-а!

Клацнул металлом передернутый затвор. Моряк поймал на мушку полосатую спину и, как на стрельбище, плавно выбрал свободный ход спускового крючка. Короткая очередь толкнула отдачей в плечо. Похититель упал, словно подкошенный. Прокатившись по песку несколько метров, он вскочил и помчался еще быстрее. Страх расплаты придавал силы. На тельняшке проступили пятна попаданий шариков с краской в оболочке из прессованной коры. Мародер категорически не желал пополнять собою мартиролог. Он оставался живее всех живых, уже считаясь условно мертвым.

Лицо боцмана перекосила страшная гримаса. Ощерив-

шийся рот стал похож на акулий оскал:

– Врешь! Не уйдешь! – Матерый подводник запустил руку под бушлат и вытащил новый магазин. Он отщелкнул от шмайссера рожок с имитационной пиротехникой и пристегнул новый, с боевыми патронами. Стальные головки пуль тускло блеснули в латунных гильзах. Ровные ряды как шеренги оловянных солдатиков в картонной коробке. Шутки закончились одновременно с учениями.

Боцман плотно вжал приклад в плечо. Удаляющаяся фигурка беглеца предусмотрительно выписывала на бегу зигзаги. Учебные пули оставляют после себя на теле не только отметки краски, но и болезненные кровоподтеки. Беглец сделал стайерский рывок и скрылся за дальней дюной.

Подводник швырнул автомат наземь и завыл, топая ногами, взывая к небесам, а заодно ко всем демонам глубин, призывая кары на голову вора, покусившегося на святое. Его глас перекрыл вой ревуна с субмарины. «U-1277» сзывала экипаж на борт. Поднимались с песка и подходили к нему мертвые товарищи. Один поднял автомат. Другие осторожно, но решительно взяли его под локотки и повели в сторону океана. Боцман упирался и без дудки идти не хотел.

Группа моряков медленно двигалась, оставляя за собой две параллельные борозды, пропаханные его ногами. Подводник, несший шмайссер боцмана, отстегнул магазин и неодобрительно покачал головой. Он поспешно закопал длинный черный рожок у основания дюны, обрушив на него

большой пласт песка. За одно ношение боевых патронов на учениях можно легко угодить под трибунал. Как два пальца об приклад. А там разговор короткий, у контрразведчиков с этим делом быстро. Тем более сегодня они в полном составе воюют на стороне условного противника.

Все это время за людьми внимательно наблюдали два глаза, размером с пятикопеечные монетки. Они медленно поворачивались из стороны в сторону на телескопических отростках-стебельках. Периодически глазки с вертикальными зрачками втягивались в песок, чтобы снова осторожно выдвинуться из него, но уже ближе к людям.

Взрывы и беготня разбудили песчаника – тварь, обитавшую в прибрежных дюнах. Большую часть жизни он проводил в спячке, время от времени пробуждаясь, чтобы перекусить и пополнить жировой запас. У него было короткое мускулистое тело конусообразной формы, покрытое короткой щетиной. Оно начиналось пастью с тремя челюстями, усыпанными множеством мелких загнутых клыков. По бокам головы, покрытой пластинами ороговевшей кожи, располагались мощные широкие лапы с когтями, как у крота. Они позволяли плотоядному хищнику без помех перемещаться в толщах песка, словно рыбе в воде. Туша заканчивалась коротким лопатообразным вертикальным хвостом. Песчаник использовал его как руль при движении в прибрежных дюнах.

Дрожь земли и человеческая поступь потревожили его

сладкую дрему в гнезде. Обычно песчанники не нападают на людей в одиночку, предпочитая охотиться стаями во время миграции или сезона брачных игр.

Потревоженный песчанник был старым и осторожным самцом, многое повидавшим на своем веку. Куска хвоста он лишился в молодости, много спячек тому назад. По неопытности и от голода он решил полакомиться двумя рыбаками, проверявшими краболовки после отлива.

На память дюнная нечисть не жаловалась. Сегодня у людей багров в руках не было, но песчанник решил не рисковать. Он втянул отростки глаз в голову и зарылся поглубже в дюну, погружаясь в песок и сладкие сны-грезы, где много вкусного мяса, покойно и тепло.

...Борцы за живучесть подлодки разливали по новой. Чистый первач лился из термоса в кружку. Субординация на подлодке соблюдалась строго. Матросы из остатков экипажа и прочие нижние чины пили отдельно, на носу, за щитком орудия. Капитан злоупотреблял в компании сухопутных камрадов и воздушного аса. Нестеров, возбужденно блестя глазами, спросил у Вендта:

– На вас лица нет! Стоит ли так убиваться? Скоро отлив, заварим пробоину, закрасим борт. Будет как новенькая.

Подводник пьяно мотнул головой:

– Спросите меня, счастлив ли я?

– Вы счастливы? – послушно спросил летчик.

– Не-эт!!!

– Черная змея печали обвила твое сердце? – спросил бек, меланхолично плюя за борт в набегавшую волну.

– Да, от чего такая хандра? – обеспокоился Петр Николаевич.

– Богатыри гирокомпас сломали, – тихо ответил кок за капитана, незаметно подливая офицеру в кружку самогон.

Вендт неотрывно смотрел на бека. В офицерском мозгу пульсировала мысль: плохая примета – плевать с палубы в море. Он сам себя уговаривал, что не верит в приметы, но рука тянулась к кобуре.

– Отто Фридрихович, хотите, я вам сделаю петлю? – Нестерову захотелось сделать приятное моряку.

– Не надо петлю! Боже упаси! – Вендт дернулся, расплескивая самогон. Неприятные ассоциации отвлекли от грустных мыслей. Он потер рукой шею, натертую накрахмаленным подворотничком.

– В смысле высшего пилотажа, – пояснил штабс-капитан. – Только новый дельтаплан смастерю – и в полет. А компас я сейчас починю. Пять минут!

Воздушный ас вскарабкался по скобам рубки и нырнул в люк. В темном провале громко булькнуло.

– Все будет хорошо! Нестеров – мастер на все руки. Он все умеет, – не поворачиваясь, подтвердил Батырбек. – Только летать у него плохо получается!

Выпили еще по одной, не по маленькой. Из люка показа-

лись мокрая голова и золотые погоны с четырьмя звездочками. Нестеров достал изо рта отвертку, которую держал в зубах. Довольный собой, он радостно сообщил:

– Починил! Хорошие приборы, почти вечные. Не ругайтесь, если сломаются. Кстати, вы часто плаваете, господин капитан-лейтенант?

– Плыву, когда пошлют. А посылают часто! – Моряк протянул кружку летчику. – Чаше, чем хотелось бы. – Подводник встрепенулся, вспомнив о службе. – Господин штабс-капитан, у вас справа под рукой рычаг. Не сочтите за труд, потяните на себя.

Завыла сирена, заглушив голоса двух капитанов. Бек от акустического удара и неожиданности чуть не упал за борт, в последний момент успев вцепиться мертвой хваткой в тоненький леер...

На берегу собирались моряки с подлодки. Красные пятна краски на черной форме делали их похожими на божьих коровок наоборот. Божьи создания громко матерились, пытались оттереть масляную краску песком и водой.

Сирена снова проревела общий сбор. Красный шар солнца закатывался за горизонт. Заканчивался еще один прекрасный день...

## Глава 2

# ХРУСТАЛЬНЫЙ ЧЕРЕП

Весь личный состав отряда коррекций реальности Звездной Руси собрался в штабной палате, расписанной суровыми ликами ветеранов а-ля Палех. Отсутствовали дежурный, Лева и экипаж субмарины «U-1277» в полном составе. моряки с подводной лодки занимались ремонтом пропоротого днища корабля. Матросы вместе с офицерами варили, клепали и лудили пробойну в броневом листе обшивки. Может, оно и к лучшему: неизвестно, чем могла закончиться встреча боцмана, лишившегося заветной дудки, и неисправимого трофейщика Левы Задова. Одессит заперся в кабинке туалета, сославшись на желудочные колики. Лева передал командиру боцманскую дудку через Кузнецова. Николай меланхолично пообещал замолвить за него словечко перед начальством, но в успех не верил. Ему не впервой приходилось выступать в роли посредника. Комиссар был зол на весь белый свет за испорченный френч из тонкого английского сукна и жаждал крови, все равно чьей. Николай молча отдал серебряную свистульку командиру. Тот так же молча сграбастал ее широкой ладонью. Вот и все переговоры.

Разбор командно-тактических учений давно закончился. Барон Маннергейм с указкой в руках у карты побережья,

занявшей почти всю стену, коротко подвел итоги. Синими стрелками были отмечены действия наступающих десантников, красными – обороняющихся. Старый маршал по-военному сухо разобрал тактические ошибки и просчеты обеих сторон. Победителей не было, значит, судить тоже некого. Все остались при пиковом интересе. Никого не отметив в лучшую сторону, Карл Густавович мимоходом обронил скупую похвалу в адрес Кузнецова: «Молодец! Хотя один действовал не по шаблону, а по совести. Совсем как я много-много лет назад. Э-э-эх, время калечит всех...»

После него слово взял комиссар отряда. Фурманов близко к карте подходить не стал, побоялся. В топографических значках он не разбирался. Больше сказать, он их побаивался, считая разноцветные закорючки и отметки оккультными символами, предназначенными для вызова духов войны и призраков неупокоенных солдат. А вдруг хлынут прямо из карты, со штыками наперевес?

Однажды на апрельском субботнике под видом мусора и старых бумаг Фурманов принял жечь всю топографию, а особенно крупномасштабные цветные карты. Он был обезврежен в последний момент ударом по затылку сзади. Неизвестный благодетель скромно пожелал остаться неизвестным. Общественное мнение было склонно отдать лавры спасителя карт заместителю по виртуальности. Он ли спас штабное имущество от огня, кто-то ли другой – не видел никто. Кижэ всегда работал без свидетелей.

Спасенные от огненного погребения карты были надежно спрятаны начальником штаба за железной дверью оружейной комнаты. Карл Густавович хранил ключ при себе и никому его отдавать не собирался.

Однажды Фурманов решил рискнуть и совершить то, что давно не давало ему покоя. Он долго ждал подходящего момента и наконец дождался. Во время полнолуния, ровно в полночь пятницы тринадцатого, он отправился в рощу Слез.

Этот участок леса пользовался недоброй славой. Люди, да и нелюдь тоже старались обходить его стороной, особенно ночью. По непроверенным слухам, здесь пошаливала особенно пакостная и зловредная нечисть. В дневное время самые бесстрашные ходили в рощу по грибы да ягоды. Досужие сплетни и измышления обывателей не пугали чапаевца, поскольку он их не слышал. В самом центре рощи Слез комиссар расстелил карту-трехверстку на широком трухлявом пне, поросшем бледными поганками. Подсказал ли ему кто, озарение снизошло или сам додумался, об этом история умалчивает. Хотя о чем-то подобном рассказывал Задов, травя в курилке очередную байку-потешку из своего бесконечного запаса.

По углам он расставил белые семнадцатисантиметровые свечи. В городской скобяной лавке красных, а тем паче черных свечей не оказалось. Пришлось довольствоваться обыкновенными. На робкий вопрос Фурманова о черных свечах: «Может, где-нибудь есть на складе? Я отблагодарю, вы не

подумайте!» – приказчик сухо ответил, растягивая слова и постукивая пальцами по зеркальной стойке: «Такой товар не держим. Да-с!» За странным покупателем дверь захлопнули так энергично, что жалобно звякнули стекла.

Потом Фурманов все-таки признался, чей дух он хотел вызвать, двигая железный транспортер и партбилет по нарисованной на карте красной звезде-пентаграмме. Комиссар, оправдываясь, рассказал, что хотел вызвать дух давнего сослуживца, которого обещал научить плавать, да все руки не доходили. Из-за этого накладочка вышла, утонул товарищ. Фурманову очень хотелось принести запоздалые извинения: лучше поздно, чем никогда...

Результат спиритического сеанса превзошел все ожидания. Тучи затянули полнеба, и только полная луна – волчье солнышко – ярко светила на землю. Мертвенным синим светом замерцали гнилушки. Призрачная фигура в истлевшем саване выступила из сгустившегося сумрака под вековыми деревьями. Сиплый бас поинтересовался: «На какой ляд ты, смертный, потревожил покой генерала Каппеля?» Комиссар, превратившийся в каменную статую, был так потрясен тем, что у него впервые в жизни что-то получилось, что даже не обратил внимания на тельняшку, проглядывающую в прорехи грязной серо-белой ткани.

– По вашему приказанию прибыл! – по-военному коротко доложило привидение.

– А?!

– Вызывали, говорю?

– Мы же тебя закопали! – еле-еле смог выдать из себя Фурманов.

– Значит, неглубоко, – невозмутимо пояснил призрак и почесался. – Заждались мы тебя, Митька. Многие там ждут не дождутся свидеться с тобой. Ну, пошли!

Комиссара переклинило. Он не мог вымолвить ни слова, только отрицательно мотал головой из стороны в сторону, как китайский болванчик.

– Пошли, кому говорю! – настаивал призрак генерала в простыне поверх тельняшки и неуставных бриджей, заправленных в щегольские сапоги. – Некогда мне с тобой лясы точить. – Теряя терпение, белогвардеец сердито прихлопнул комара на шею.

– И-и-извините, ошибочка вышла, – лепетал Фурманов, пятясь назад. – Вот уж вас, ваше благородие, я ни в коем случае не хотел тревожить. Мне другой был нужен!

– Ха! Ошибочка! Щас я тебе покажу ошибочку. – Привидение шагнуло вперед, протягивая руки и гася свечи носком сапога.

– А-а-а! – Бесстрашный Дмитрий Алексеевич не стал ждать, что ему сейчас покажут в темноте, и запетлял между деревьями, стремительно улепетывая подальше от проклятой поляны рощи Слез.

На его беду призрак попался настырный, как все белогвардейцы. Он долго гонялся за медиумом-любителем, ло-

мясь сквозь кусты и завывая во всю луженую офицерскую глотку: «Взво-од, рассыпаться цепью! Обходи слева! По „товарищам“ картечью! Беглый о-о-огонь!..»

Каппель и после смерти остался педантичным воякой. Призрак громко улюлюкал и залихватским свистом гонял свою жертву через редкий лес, не давая роздыху. Комиссар метался, спасая душу, до самого рассвета. Вся роща Слез была истоптана сапогами. От зеленого дерна остались ошметки травы да растоптанные грибы, перемешанные с землей.

...Утром Фурманова нашли на верхушке старого дуба. У него заметно прибавилось седых волос на голове и в ушах. Он сидел на сучковатой ветке, крепко зажмурившись и мертвой хваткой обхватив ствол.

Слезть с дерева Фурманов отказался. Вековое дерево, укрывшее в листве комиссара, пришлось рубить. Лесной великан пережил не одну бурю и два нашествия хохлатых дятлов, но за то, что приютил комиссара, поплатился своей жизнью.

Обезумевший от страха атеист и богоборец громко каялся в мелких пакостях и почему-то собирался умирать. Когда топоры застучали по стволу, слова отходной молитвы комиссар уже не произносил, а почти выкрикивал, брызгая слюной на лесорубов.

Владимиров был удивлен: его тезка любил бравировать своим невежеством в делах религии и проповедовать дарвинизм. Он искренне считал английского ученого мужем Кла-

ры Цеткин. И даже немного огорчился, когда узнал, что это не так.

Заподозрить Фурманова в способности произносить слова молитвы и покаяния командир не смог бы ни за что.

С тех пор за комиссаром отряда закрепилось прозвище «краснокнижник». Так его называли исключительно за глаза, потому что связываться с ним никто не хотел.

...Комиссар проводил затуманившимся взглядом Маннергейма. Закончив разбор учений, маршал бережно свернул карту и теперь держал длинный бумажный рулон между коленей, не собираясь выпускать его из рук ни на минуту. Фурманову для выступления карта была без надобности. Он привычно взгромоздился на трибуну и задвинул речь.

Командир отряда подполковник Владимиров подпер щеку кулаком и неприязненно покосился на оратора. Его заместитель не отличался краткостью, а после снятия его с дуба начал говорить вообще пространно и слезливо.

Если бы командира спросили, какого мнения он о Дмитрие Андреевиче, то он бы честно сказал: «Всегда представлял себе комиссаров плечистыми, высокими, чуткими к людям. Наш – округлый, мягкотелый, чернявенький. Агроном или колхозный счетовод, а не комиссар. Знает, перед кем дверь открыть, а у кого перед носом захлопнуть. Все деньги, выделенные по статье „поощрение личного состава“, потратил на оформление наглядной агитации: образцы стрижек, правильное ношение доспехов. В Главк постоянно отпра-

ляет справки-объективки о состоянии высокого морального духа бойцов и командиров. Зачем, скажите, начальству знать о таких мелочах, как выходки Задова? Лева, отмечая возвращение из командировки, босиком танцевал на осколках разбитых бутылок из-под медовухи и при этом орал: „Я дипломированный йог, только что из Индии! Смотрите, любуйтесь, я здесь проездом!“ Когда той же ночью патруль остановил Задова, несущего горящий факел, он, вместо того чтобы предъявить документы, предложил патрульным продолжить праздник и по полной программе „позажигать“ в библиотеке. Долго потом над Владимировым глумилось начальство по связь-трюмо. Смех лощеных штабных дураков из Главка давно не задевал офицера. Привык. Но все равно, когда после комиссарских докладных-закладных куратор устраивал нагоняй, было обидно. Хуже и гаже бывало только от начальственной похвалы. А уж как говорит комиссар – умом тронуться можно: „Головы в тарелки не ложить!“, „В конспектах цитаты в красные рамочки обводить. И не от руки, а по линеечке или по пальцу!“ Любимое занятие – торговаться на рынке с торговками семечками. И такой человек имеет право служить вместе с нами! За отряд обидно!»

Командир флегматично раскручивал и закручивал вокруг указательного пальца цепочку с боцманской дудкой. Серебристый пропеллер с сердитым свистом нарезал круги в воздухе. Дмитрий Евгеньевич пробежал взглядом по залу. От командирского ока не укрылось, что половина собравших-

ся откровенно дрыхнет, развалившись на стульях, убаюканные монотонным «бу-бу-бу» с трибуны. Другие пока только впадали в ступор, собираясь последовать за товарищами в страну снов. Не собирался спать один Муромец, флегматично отколупывавший мелким гвоздиком засохшие пятна краски от кольчуги. Краска забила мелкие кольца и не поддавалась. Илья сердито сопел, упорно продолжая очищать доспехи.

Пора было заканчивать эту бесцельную тягомотину. Перед самым собранием из Главка поступило новое задание. На внеочередном сеансе связи куратор подчеркнул, что выполнение приказа очень важно для будущего или для прошлого – без разницы, сами понимать должны. Аналитики Главка рассчитали, что если разведгруппа благополучно доберется до точки назначения, то успех будет зависеть только от выучки и сообразительности десантников. Если что пойдет не по плану, то есть наперекосяк, то всегда можно послать вторую группу. Бойцов в отряде специального назначения Звездной Руси хватало, а в случае чего Главк обещал подбросить новичков.

В сознание командира просочился писклявый голосок выступающего: «...до каких пор будут вытаптывать газон перед штабом? Кто на плакатах подрисовал рога и закрасил усы былинным конникам?..» Не дождавшись ответа от бесстрастного зала, Фурманов продолжил:

– Стоящие перед нами цели и задачи обязывают нас ко

многому. Да, нам приходится перестраиваться, совершенствоваться и углубляться. Время не стоит на месте. И мы не можем отставать от него. На этот счет поступило указание с самого верха! – Комиссар пристально посмотрел в потолок, плеснул из графина воды в стакан и жадно забулькал, элегантно отставив в сторону мизинец.

В зале громко всхрапнул Сусанин, мотнув забинтованной головой. На учениях он был пулеметчиком. С «максимом» он управлялся не менее ловко, чем с вилами, за что получил благодарность от начальства, а немцы пока только пообещали сказать отдельное горячее «спасибо» при личной встрече.

Комиссар, промочив пересохшее горло, уткнулся в лежащие перед ним листки бумаги и продолжил монотонное бубнение, как заезженная пластинка.

Командира неожиданно поразил приступ тоски от бессмысленности происходящего: время действительно не стоит на месте, а этот вот... талдычит об одном и том же день за днем, неделя за неделей. Неожиданно для самого себя командир бесцеремонно оборвал выступление:

– Никто не видел моего подчиненного в полосатой маечке, в ближайшем будущем – покойного? – Вращение цепочки вокруг пальца ускорилось. Маленький пропеллер без остановки резал воздух.

– Сидит в туалете! – выкрикнул из коридора в приоткрытую дверь дежурный Хохел. Опасаясь расправы за испорченную форму и доспехи, он благоразумно держался подальше

от однополчан.— Не выходит!

— Позвольте продолжить? — недовольно спросил Фурманов, оторвавшись от бумажек. Он только-только вошел в демагогический раж и собирался вскрыть еще многие недостатки, пользуясь подвернувшимся случаем. Когда-то еще представится такая возможность!

— Не позволю! — Командир ударил кулаком по столу.— Тут нарисовалась интересная командировка для особо одаренных. Враг любит неподготовленных и трусливых. Поэтому направим самых отморо... лучших из лучших! На задание отправляются Кузнецов, Задов и... Садко. Командиром группы назначен обер-лейтенант... тьфу ты! Николай старший.— Владимир обвел тяжелым взглядом проснувшийся зал.— Запомните хорошенько: мы — главный калибр для точечного исправления реальностей. Всегда кто-то должен сдохнуть, чтобы остальные жили. Диалектика!

Владимиров быстро расставил точки над «i» и облегченно вздохнул: совещание закончилось, группа сформирована.

— На сборы — два часа. Экипировку и снаряжение получите на складе. Инструктаж и подробности задания — у карусели. Разойдись!

Он хотел еще кое-что сказать, очень важное, но в последний момент передумал. У командира отряда Звездной Руси не шел из головы разговор со старым приятелем, служившим в Главке. Друг поздравил его второго августа с профессиональным праздником, а заодно и слил все сплетни для слу-

жебного пользования.

Оказывается, офицеры оперативного отдела уже давно забрасывают начальство рапортами о невозможности попасть в некоторые реальности. Они попросту пропали из времени. Связаться с агентами по связь-блюдам стало невозможно. Берестяные тусски с шифрограммами возвращаются с пометкой «Такой адресат не значится». Командование все справки-объективки добросовестно кладет под сукно до лучших времен.

Следом за оперативниками заволновались аналитики из научного отдела полевых исследований. Они в один голос стали предупреждать об опасности. Раньше никто не думал о беде, хотя риск был необычайно велик из-за невероятного количества солнечной маны и лунной праны, составляющих энергетический потенциал Аркаима-Лукоморского, который требовался для успешной переброски разведывательно-десантных групп. Оказалось, нельзя безнаказанно манипулировать силами, способными нарушить стабильное равновесие времени и пространства.

По правде говоря, на аналитиков всегда смотрели как на специалистов широкого профиля. Попросту говоря, свысочка.

В конце концов, некоторые аналитики договорились до полной ереси. Объясняя в приватной беседе складывающуюся ситуацию начальству Главка, они прибегли к аналогии. «Представьте себе,— говорили ученые,— Мироздание в ви-

де воздушного шарика. Мы находимся в некоей точке на его внутренней поверхности. Приложив значительную энергию праны-маны в определенном направлении, мы можем проткнуть в шарике крохотное отверстие и выбраться наружу к следующему шару. Если отверстие недостаточно, есть риск застрять в стенке. При избыточной деформации в шарике может возникнуть постоянное отверстие. В этом случае он либо лопнет, либо медленно опадет. Из прокола медленно вытекут пространство, материя, время. Коррекция реальностей может внести глобальное искажение пространства и времени, изменяя цепь причин и следствий Вселенной. Ветер времени от исправленных реальностей может превратиться в бурю, стирающую следы вмешательства. Мироздание будет защищаться, „закукливая“ измененные миры». Выбор у генералов оказался невелик – лопнувший или опавший детский шарик. Одна только мысль не сулила ничего приятного.

Постоянная опасность была их неперенным спутником на протяжении всей службы. На нее попросту перестали обращать внимание. У людей с лампасами на штанах всегда было извращенное понятие о времени и ученых. Они мыслили линейно. А время – вещь сложная, это живая ткань, и ее, оказывается, легко порвать. Начальство никогда не вникало в долгосрочные прогнозы. Оно привыкло, не вдаваясь в подробности, указывать, какие операции следует проводить. А парни из разведки всегда считали себя всезнайками, и в

половине случаев ошибались.

Руководство психануло. Уничтожение реальностей показалось делом самоубийственным. И тут, как всегда очень кстати, выяснилось, что конкуренты по коррекции реальностей сталкиваются с подобными явлениями. Начальство задумалось, а потом отправило яйцеголовых паникеров в Богом забытую реальность следить за миграциями гигантских акул-людоедов.

«Пространство исправлять – реальности терять», – разглядывая свое отражение в штабном зеркале трюмо-связи, мрачно заметил после беседы с приятелем командир отряда. Праздничное настроение незаметно улетучилось, уступив место настороженности. Самым интересным в этой истории было то, что Владимиров никак не мог повлиять на складывающуюся ситуацию. Об этом разговоре он решил никому пока не говорить, даже Скуратову.

Садко вместе с Задовым скучали, облокотясь о помост карусели. Приятели коротали время, лузгая семечки и сплевывая шелуху на чистый асфальт плаца. Кузнецов стоял немного в стороне, чтобы не испачкать китель о пыльные доски отрядного транспорта.

Николай аккуратно набивал папиросами платиновый под алюминий портсигар. Он собирался подцепить ногтем очередную папиросу из открытой пачки, когда его внимание привлекло хлопанье крыльев. Командир группы поднял го-

лову. На крыше карусели сидел попугай. Перья пернатого красавца переливались всеми цветами радуги. Звали попугая Пафнутием, попросту – Пашей. Паша попал в отряд случайно. Его подарили еще птенцом мэру Лукоморья Святогору на День города. Позже выяснилось, что у него аллергия на городской воздух. Попугайчик чах и хирел на глазах: оперение потускнело, хвост полинял. Птичку было жалко, и мэр передал подарок начальнику отдела боевой зооподдержки Дурову. Старый дрессировщик птенца выходил, выкармливая с ложечки. Паша пошел на поправку и незаметно вырос в здорового попугая с твердым черным клювом. Свой прокорм и человеческую заботу он отрабатывал на все сто процентов. Пафнутий днем облетал территорию отряда. Заметив посторонних, он на всех парусах летел к дежурному и голосом командира ядовито осведомлялся: «Спишь, зараза? А враг не дре-э-млет!» Мало того что он знал множество слов, он еще ловко складывал целые фразы. Паша научился подражать интонациям людей. Некоторым словам его никто специально не учил, хотя было сразу понятно, откуда он взял тот или иной перл.

Ночью Пашу меняли на боевом посту соседи по живому уголку. На патрулирование периметра базы выпускали стаю боевых енотов-полоскунов. Если они в темноте обнаруживали постороннего, то накидывались всем скопом, срывали с несчастного всю одежду, кроме обуви и носков, и убегали в отрядную душевую замачивать. Животные в темноте виде-

ли плохо и своих от чужих не отличали. Когда кто-то из отрядников решал привести форму в порядок, то просто шел ночью прогуляться у забора, а утром развешивал одежду на просушку.

...Пафнутий переступил когтистыми лапами по краю крыши и елеиным голосом начальника склада спросил Кузнецова: «Што, шоколадку кушаешь?» Воспитанный интеллигентным дрессировщиком дореволюционной школы, попугай никогда не опускался до банального выклянчивания сладостей, до которых был большим охотником. Он внимательно смотрел на обер-лейтенанта умными глазами сверху вниз.

Николай широко улыбнулся и, отрицательно покачав головой, показал птице открытый портсигар с папиросами. Попугай прикрыл глаза и менторским голосом проинформировал: «Минздрав реальности предупреждает: курение не приносит пользы вашему здоровью».

– Семечки будешь? – спросил командир отправляемой разведгруппы.

Паша нахохлился и сделал вид, что в упор не замечает собеседника. Дулся он недолго. Птичья гордость быстро дала трещину. Семечки так семечки!

Захлопав крыльями, птица слетела на плечо офицеру, аккуратно приземлившись на витой серебристый погон обер-лейтенанта. Кузнецов отсыпал у Задова семечек из свернутого бумажного кулечка. Скоро весь плац был заплеван ше-

лухой. Стоит отметить, что Паша в отличие от людей аккурратно сплевывал лузгу в подставленную Николаем ладонь. Мощный изогнутый клюв щелкал семечки с пулеметной скоростью, и скоро бумажный кулек показал дно. Попугай недобольно заглянул внутрь сначала одним глазом, потом другим. Убедившись, что семечки кончились, Паша осторожно почистил клюв о лакированный козырек фуражки, потом повернул голову к уху разведчика и доверительно сообщил голосом Фурманова: «Грязная фашистская свинья!» Садко от неожиданности поперхнулся и закашлялся. Задов присвистнул и покачал головой. Кузнецов, опешивший от такого обвинения, вслух сказал: «Да я, честно говоря, даже и не немец». Он на всякий случай осмотрел форму. Все было в полном порядке, никакого свинства. Сапоги, начищенные до зеркального блеска, пускали в разные стороны солнечных зайчиков. Новый, с иголочки, мундир, полученный взамен просоленного океаном и испачканного масляной краской, отутюжен.

– Никак ему нейдет, матерому человечищу, – заметил Лева, имея в виду заместителя по политчасти и, мстительно ухмыльнувшись, добавил: – Запомни, Паша: «комиссар». Повтори!

– Комиссар-р-р, – исполнительно повторил попугай, смешно раскрывая клюв. Учеником он был способным. Все схватывал на лету.

Лева подошел вплотную и начал что-то нашептывать Па-

фнугию. Николай криво улыбался, прислушиваясь к тихому говорку Задова, а потом и сам подключился к созданию ответного звукового послания. Птица смешно кивала клювом в такт человеческим голосам. Закончив, разведчики весело перемигнулись.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.